

АЛЕКСЕЙ ХРЕНОВ

МОСКОВСКОЕ ЗОЛОТО

**ИЛИ
НЕЖНАЯ ПОПА КОМСОМОЛКИ**

— ЧАСТЬ ПЯТАЯ —

**СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ**

18+

Алексей Хренов

**Московское золото, или Нежная
попа комсомолки. Часть пятая**

«Автор»

2026

Хренов А.

Московское золото, или Нежная попа комсомолки. Часть пятая /
А. Хренов — «Автор», 2026

Когда небо стонет от гудящих моторов, а каждый полёт это вызов судьбе! Испания, 1937 год! Бушует гражданская война и она не знает пощады. Лёха Хренов, морской лётчик с жизнерадостным характером и чертовским везением, внезапно оказывается в самом пекле конфликта. Вместо привычной рутины боевые вылеты на ишаке, прыжки в незнакомую ночь с парашютом, шпионские игры и смертельно опасные операции в тылу врага. Здесь нет права на ошибку. Здесь каждый день это битва: с врагами, с погодой, с командованием, с самим собой. Здесь друзья становятся братьями, а за улыбкой может скрываться выстрел. Добро пожаловать в историю, в войну глазами Лёхи Хренова, где пули свистят, а юмор спасает не хуже бронежилета! Он не герой. Просто у него не нет выбора. Хочешь живи. Хочешь лети. Но обратно вернуться не все.

© Хренов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Бонжур, Козлы!	5
Глава 2. Лопух феерический	11
Глава 3. Чебурек Судного дня	16
Глава 4. Квадратные кирпичи и круглые волны	22
Глава 5. Авиация – это про интуицию, брат	27
Глава 6. «Май-Гей-эН Фре-рес!»	32
Глава 7. «Пардон! Дон Ле-Бум!»	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Алексей Хренов

Московское золото, или Нежная попа комсомолки. Часть пятая

Глава 1. Бонжур, Козлы!

Вечер долгого дня 25 августа 1937 года. Аэродром Биарритца.

У входа в деревянное здание управления аэродромом стоял человек в военной форме. Чисто выглаженный китель с тёмно-синим кантом, дурацкая круглая фуражка с кокардой, аккуратная папка под мышкой и усы – тонкие, загнутые на французский манер, как будто он только что сошёл со страниц иллюстрированного романа о мушкетёрах.

Лёха сбавил шаг, перешёл на походку просящего человека, чуть прихрамывая, вытащил руки из карманов и негромко, но вежливо поздоровался:

– Бон жур, мон лейтенант. У нас вынужденная посадка. Французский борт, пассажиры – гражданские лица.

Офицер таможни – лейтенант Грабьебон, так гласил штамп на клапане папки, – не спешил отвечать. Он посмотрел на «Энвой», ещё дышащий жаром моторов, потом на лица, торчащие в иллюминаторах, и, наконец, вернул взгляд на Лёху.

– *Vous êtes bien le pilote?*

– Уи, монсеньор. К моему сожалению. Лечу из Валенсии, сопровождаю группу испанских санитаров в Бордо. Гуманитарная миссия.

– Санитары? – переспросил Грабьебон, чуть приподняв бровь. – А откуда тогда следы обстрела на фюзеляже? У вас же вон крыло как дуршлаг.

Лёха развёл руками – мол, так вышло – и утвердительно повторил:

– Уи! Санитары... леса, – добавил он тише. – Невоспитанные итальянцы прицепились ещё в нейтральной зоне. Нам, честно говоря, повезло, что доблестные французские лётчики вмешались и защитили наш борт.

Грабьебон крикнул, не вполне удовлетворённый, но сцен устраивать не стал. Он был из породы французских таможенников, что предпочитают порядок – и, конечно, красивые денежные знаки.

– Паспорта? – коротко бросил он.

Грабьебон взял в руки тёмно-красный паспорт с гербом Испанской Республики. Перелистал. Потом поднял взгляд на Лёху, стоявшего перед ним с видом уставшего и слегка заискивающего пилота.

– Дон Жуан Херенó?

– Уи, – Лёха подобострастно улыбнулся. – Гражданин Испанской Республики.

«Временно. Чисто в туристических целях.» – добавил он уже про себя.

Он аккуратно подложил ещё одиннадцать таких же «испанских» паспортов под низ своего. Те легли ровной стопкой.

– *Brevet de pilote?* Свидетельство пилота?

Лёха полез в карман, вытащил сложенную втрое бумагу со здоровенной печатью. Испанский *Certificado de piloto civil*, якобы выданный в Валенсии аж в 1935 году, с его фотографией. В момент съёмки Лёху ослепила вспышка, он моргнул и скривился. Собственно, на фото он так и выглядел – как беглый больной из психиатрической клиники.

Грабьебон повертел бумагу в руках.

– Любопытно. Документы на самолёт?

Лёха достал документ с пометкой *Certificat d'immatriculation*, где значилась французская регистрация – *F-LEXA*, и имя законного владельца: Juan Jereno. Снабжённый бумагами незабвенного Хорькова, Лёхе стоило небольшого количества инвестированных франков получить в парижском Ле Бурже запись о покупке борта. Чтобы было, так сказать.

Грабьебон удивлённо приподнял брови и уставился на Лёху:

– Это ваш самолёт?

– Ну... да, – Лёха снова извиняющее развёл руками. – Вот смог купить. Дедушка под конец жизни ослеп и завещал мне стать пилотом. Я, так сказать, выполняю волю предков...

– Решили подарить самолёт республиканцам? – усмехнулся Грабьебон.

– Мой дедушка ослеп, а не офигел! – не задумываясь, выпалил Лёха по-французски, с ярко выраженным советским акцентом.

Грабьебон застыл. Посмотрел на него. Потом что-то клацнуло в его французской голове, и офицер заржал. Смех был самый искренний – с хрипотцой, наклоном вперёд и каплями слёз в уголках глаз.

– *Sacrebleu! Bon sang!* ... – вытер глаза он. – Вы, месье дон Жуан, очень... очень своеобразный пилот.

Грабьебон с лёгкой театральностью приоткрыл Лёхин испанский паспорт, где между страниц лежало пять аккуратных купюр по сто франков.

Он слегка приподнял бровь, заглянул под обложку, перевёл взгляд на документы.

– *Ah, tiens...* – тихо пробормотал он, поцокал языком. – Этот паспорт, я вижу, в порядке! Хорошо... а где у вас справка санитарного контроля при международных перелётах?

Лёха улыбнулся, даже чуть склонился вперёд и с ловкостью, достойной сотрудника Черкизона, вложил между страниц ещё одну купюру в сто франков.

– Вот она, смотрите. Завалялась. Вроде бы печать не смазалась.

Грабьебон даже не моргнул.

– О! Да тут у вас целая группа испанских оборванцев... – Продолжил пантомиму чиновник в круглой фуражке. – А я ведь должен, знаете ли, отправить их всех в лагерь... Да, в лагерь... На карантин. У нас культурная страна. Вдруг завезут какую-нибудь республиканскую заразу. Пролетарскую лихорадку или идеологический понос.

Лёха, не прерываясь, достал ещё две сотни.

– Ну зачем вы так, месье лейтенант! Они же добропорядочные туристы. Молчаливые и очень покладистые. Обещают молчать в общественных местах.

– Что вы, мсье Жуан! – оживился Грабьебон. – Минимально по сто франков с головы. Это даже не штраф – это на гигиеническую обработку местности.

– Давайте по тридцать. И они даже не будут заходить в здание, чтобы не испачкать воздух свободы своим дыханием.

– Пять сотен за всех, и то только из уважения к вашему выдающемуся дедушке! Меньше – просто оскорбительно для такого коллектива санитаров леса!

Ещё пятьсот франков ловко пролезли в папочку чиновника. Она постепенно становилась пухлой, как мясной пирог.

Грабьебон вздохнул явной с ноткой удовольствия.

– *Carnet et Plan de vol?* В порядке? Такие документы очень высоко котируются. Очень!

– Не сомневайтесь! Вот, смотрите. – Ещё две сотни устроились в папке француза.

Пачка франков стремительно переходила в надёжные руки французской бюрократии.

Наконец Грабьебон перелистал документы, закрыл папку и, глядя поверх очков, сказал почти ласково:

– Ну, осталось ещё кое-что... Рядовым труженикам французской таможни надо будет помочь проверить зрение... Они должны на расстоянии разглядеть, что у вас нет оружия, нар-

котиков, политической пропаганды и прочих этих ваших динамитных шашек. Всего триста франков на проверку зрения.

Лёха невозмутимо кивнул, сунул руку в другой карман и добавил ещё три купюры по сотне.

– Гарантирую, – честно глядя в глаза французу, произнёс Лёха, – никаких динамитных шашек!

«Если и есть, то никто не признается, только гранаты и пистолеты!» – подумал он уже про себя.

Грабьебон широко и радостно улыбнулся.

– *Bienvenue en France*, мсье Жеренó!

Жмак! Печать вlepилась в первый документ, легализуя пребывание владельца на территории Республики. Жмак! Жмак! Любой будущий робот позавидовал бы производительности французской руки со штампом.

– *Полторы тысячи франков...* Жлобы! – чертыхался про себя Лёха, удаляясь от такого гостеприимного, но исключительно дорогого заведения, как французская таможня. – *За просто "Бонжур, Козлы!"*

Декабрь 1937 года. Елисейский дворец, 8-й округ Парижа.

Тремя месяцами позже капитан де Шляпендаль стоял вытянувшись в парадном мундире капитана ВВС во внутреннем зале Елисейского дворца, где пахло полированной бронзой, формалином и богатством.

На груди у капитана блестел свеженький, только что приколотый знак – *Légion d'honneur* – ордена Почётного легиона в степени кавалера – начальной, но всё же самой престижной награды Французской Республики. Белая пятиконечная звезда с золотыми лаврами, подвешенная на алой ленте, чётко выделялась на фоне тёмно-синего парадного мундира.

– За проявленную храбрость, дисциплину и умелые действия при защите гражданского воздушного судна в сложной обстановке, – с паузами зачитал министр, сделав ударение на слове *гражданского*.

Де Шляпендаль сдержанно кивнул, стараясь не почесать место, куда только что впиалась застёжка ордена. Выглядел он достойно: выбрит, в новеньком кителе, с усами чуть круче, чем у Боярского в роли д'Артаньяна.

А всё оказалось просто. Даже как-то буднично.

По инструкции де Шляпендаль всё же составил рапорт. Скромно, сдержанно, указал, что «обнаружив воздушное нарушение и угрозу гражданскому воздушному судну французской регистрации, предпринял действия по недопущению агрессии». Без имён, без флага, но с координатами.

Неделей позже его вызвали в Бордо, к генералу, командующему Южным воздушным округом. Тот сидел в кабинете с занавесками цвета крови и смотрел на капитана с выражением старого тигра, которого всё ещё бесят гиены.

– Это ты, – сказал он, разглядывая Люсьена, – загнал фашистского гадёныша в море?

– Случайное стечение обстоятельств, мон генераль.

– Жалко, что ты ушёл из армии, сынок. И не бывает случайностей, капитан. Особенно с итальяшками.

И генерал замолчал. Оказалось, Боню таки выловили живым, да ещё и во французских водах – и он стал для генерала личным подарком судьбы. Генерал всё ещё помнил зиму семнадцатого, когда его сбили над Доломитами, и хотя макаронники были союзниками, прежде чем наверху разобрались, его законопатили на три месяца в итальянский лагерь с ледяными бараками, пинками карабинеров и похлёбкой из рыбьей кожи. И он ничего не забыл.

Так де Шляпендаль и попал в список. А дальше – как по нотам: секретарь округа, формуляр, звонок в Париж – и вот он, орден. Сверкает и приколот.

Министр пожал руку – сухо, но с уважением. И добавил:

– Летайте дальше. Но... аккуратнее.

Капитан отступил на шаг, отсалютовал. В голове у него всё ещё звучала фраза генерала, сказанная на прощание:

– Запомни сынок! Эти сукины дети, они ещё заплатят за всё!

Конец августа 1937 года. Аэродром Биарритца.

Получив пачку паспортов с исключительно дорогими штампами, Лёха бодро порысил к своему самолётику «Энвой», стоявшему на самом краю аэродрома.

– Выходи строиться! – крикнул он в салон и тут же встретился с удивлённым взглядом штабного полковника от авиации.

– Эээ... Вот ваш паспорт, товарищ полковник! – на лету перестроился Лёха, протягивая документ.

Оба полковника – и гидро, и авиаштабной – пожали ему руку с чувством, поблагодарили за доставку и с достоинством отделились от коллектива эскадрильи, мол, действуем по собственному плану.

Группу же «мальчиков-зайчиков», как про себя называл их Лёха, он построил в нестройную толпу и бодро скомандовал:

– Оздоровительная прогулка до железнодорожной станции Биарритц объявляется открытой! Обещан свежий морской воздух и пасторальные виды природы! Гарантированное восстановление душевного спокойствия! – бодро озвучил предстоящее мероприятие новоявленный менеджер туристического агентства *"Hasta la Vista Travel"* – билет в один конец с гарантированными приключениями!

Как оказалось, до вокзала было всего два километра, из которых один – это, собственно, поле аэродрома. Чтобы меньше привлекать внимание, Лёха попытался разбить лётчиков на тройки, искренне полагая, что привыкшие быть вместе в небе лётчики тройками спокойно доберутся до вокзала после краткого инструктажа.

Евсеев посмотрел на него как на душевнобольного и внёс свои корректировки в план полёта:

– Лёша! Да они либо потеряют ориентировку всей тройкой, либо их коровы ПВО пошибают, либо при посадке лапти свои раскурочат так, что ходить больше не смогут! Значит так, товарищи бойцы! – скомандовал ещё недавно бывший командиром группы Иван. – Разбились на тройки! Хренов лидирует до вокзала. Первая тройка – интервал десять метров, вторая – двадцать. Я замыкаю перелёт – тридцать метров. Приготовиться к вылету!

Борис Смирнов чувствовал себя не сказать чтобы хорошо, и после короткого военного совета решили отправить его с Сергеем на самолёте – в Барселону или Лериду, в ближайшее республиканское место, чтобы не привлекать лишнего внимания французской жандармерии к свежему пулевому ранению. Сергей Васюк был назначен к нему нянькой.

И уже через двадцать минут любой местный обыватель был бы сильно удивлён, увидев колонну из восьми поджарых мужчин, с военной выправкой, половина из которых были в зелёных лётных комбинезонах, а половина – в странной полувойенной одежде, бодро марширующих по просёлочной дороге в сторону вокзала.

Лёха расстался со ставшими уже родными советскими лётчиками прямо на перроне Биарритца. Он проводил Евсеева до кассы, купил всем билеты в третий класс до Парижа – туда, где их уже должно было принять советское посольство.

Конец августа 1937 года. Аэродром Биарритца.

Серрано Гадео – ещё недавно первый секретарь по вопросам культуры при испанском консульстве в Байонне – теперь выглядел так, будто сама жизнь прожевала его и выплюнула на берег. Когда-то он был воплощением кастильской утончённости: безукоризненно выглаженный костюм, шёлковый галстук с жемчужной булавкой, гладко причёсанные волосы, отточен-

ный выговор аристократа и улыбка человека, привыкшего разговаривать с префектами, профессорами и вдовами при деньгах. Теперь же он вонял как бродяга, которого трижды выгоняли из ночлежки. Он не мылся уже неделю, и этот факт причинял ему почти физическую боль. Плохо сбритая щетина начинала пробиваться пятнами, рубашка прилипала к спине, а носки из ботинок лучше было не доставать вовсе.

Когда-то – профессор литературы, бежавший из охваченной огнём Испании якобы от республиканского террора, он организовывал вечера фламенко, писал статьи о «духе подлинной Испании» и курировал выставки «истинного искусства Кастилии». На деле же он сразу, добровольно и с удовольствием, предложил себя в распоряжение франкистской разведки. Гадео вёл аккуратные досье, передавал списки, следил за перемещениями республиканских грузов и советских добровольцев, вычислял маршруты и собирал слухи.

Рядом с ним неизменно маячил его личный шкаф с мускулами – марокканец Джахман ибн Мудасир. Огромный, мрачный, с тяжёлой нижней челюстью и чугунным взглядом. Гадео за глаза звал его «Эль Мудон», иногда сокращая до «Мудахо» – с той самой язвительной интонацией, с какой порой называют «сиятельством» только что кастрированного быка. Сам «Мудахо» считал, что это что-то героическое – вроде «почётного воина пустыни», и ходил с гордо поднятой башкой. Гадео не снисходил до объяснений.

Катастрофа пришла внезапно. Французские жандармы – обычно вежливые, но с весьма конкретными приказами – попытались взять Гадео тёпленьким прямо у проваленной явки в Байонне.

Всё, что могло пойти не так, пошло именно так: копии документов, забытая записка, не вовремя обронённая фраза... Оружия у него с собой не было. У Гадео остался только взгляд, полный ненависти к самому себе, когда он, спотыкаясь, бежал по гравийной дороге к лесу, слыша, как за спиной хрустит щебёнка под подошвами жандармов.

Вот уже неделю они с Мудахо скитались по окрестностям, питаюсь чем придётся, ночуя в сараях, где пахло навозом и старыми гусями. Он, Серрано Гадео, блестящий интеллектуал и тайный советник, теперь выглядел как деревенский пастух. И всё, о чём он думал, – как пробраться обратно в Испанию, к своим. К Франко. К мылу, галстукам и полагававшемуся ему положению. К уверенности.

Конец августа 1937 года. Аэродром Биарритца.

Лёха шёл от вокзала, весело насвистывая какой-то марш – может быть, марш авиаторов, а может, что-то из репертуара роты новобранцев, идущих строем и с песней в столовую. Настроение у него было исключительно бодрое. Несмотря на потраченный почти полностью запас парижских франков, ему удалось почти невозможное.

Проинвестировав остатки франков в билеты для своих подопечных до Парижа, он отогнал мысль, доколе он будет на свои помогать революции в отдельно взятой испанской стране.

Пересчитав остатки богатства, он всё же умудрился выторговать у торговки на углу три огромных багета с паштетом, кусок пирога с козым сыром, бутылку домашнего красного вина, а в самом конце – и вовсе чудо – тонкий горячий пирожок с мясом и луком, который продавали из оцинкованного ведра возле депо. Название он не запомнил, но по вкусу это был самый настоящий чебурек. Такой родной чебурек из собачатины с лёгким запахом Прованса.

Теперь же он шёл к самолёту, сжимая в одной руке свёртки с едой, а другой – придерживая на отлёте «французский чебурек», чтобы ароматный сок, медленно стекающий по пальцам, не заляпал и так уже сильно не свежий комбинезон. Он откусывал с краю, прищурившись от удовольствия, и думал, что если война закончится – он всерьёз подумает о кулинарной карьере.

Уже подходя к «Энвою», Лёха немного удивился: самолёт стоит, как стоял, но двери закрыты, и Васюка нигде не видно.

«Дрыхнут, что ли? С устатка и не евши.» – лениво промелькнула в голове фраза откуда-то из будущего.

Самолёт казался вымершим: ни характерного вида лопухой головы Васюка, любопытно торчащей из люка, ни храпа... Тишина окутывала пространство.

– Подъём! Ваша мама пришла, чебурек принесла! – бодро проскандировал он, пытаясь одновременно плечом приоткрыть люк и не уронить добычу.

Дверь не поддавалась. Он поднажал на неё плечом и подался вперёд, сунулся внутрь – и тут же замер.

Холодный ствол пистолета уткнулся ему прямо в лоб.

Внутри было сумрачно, но очертания руки и оружия угадывались безошибочно. Время жевать внезапно кончилось.

«Не кисло я так за чебуреками сходил...» – пронеслось в голове у нашего попаданца. Рука с пирожком чуть дрогнула, но он инстинктивно сжал чебурек ещё крепче, чтобы не уронить ароматную добычу.

– Бонжур, Козлы! – не задумываясь произнёс Лёха...

Глава 2. Лопух феерический

Самый конец августа 1937 год, штаб Тихоокеанского флота, Владивосток.

Николай Герасимович Кузнецов, ныне заместитель командующего Тихоокеанским флотом, сидел за широким, давно не лакированным столом и с откровенной ненавистью смотрел на мятый листок дешёвой телеграфной бумаги. Вопрос был не в бумаге. Вопрос был в самом тоне этой очередной телеграммы из Москвы.

Чуть больше полутора месяцев прошло с тех пор, как его, совершенно неожиданно, выдернули из Испании и сунули в самый конец географии – во Владивосток.

На удивление, его испанская командировка была высоко оценена, и он даже удостоился личной похвалы и краткого рукопожатия от самого Ворошилова.

Но вот к вождю его не вызвали. Ни на совещание, ни на личную беседу. Кузнецов некоторое время гадал: то ли это проявление недовольства флотом, то ли есть вопросы лично к нему.

Зато в качестве подарка на свой тридцать третий день рождения он получил звание капитана первого ранга и, уже через несколько дней, упаковав многочисленные пожитки, почти две недели неспешно трясся по Транссибу к новому месту службы.

По прибытии во Владивосток его, казалось, немедленно погрузили во что-то среднее между серпентарием и палатой в сумасшедшем доме.

На Тихоокеанском флоте, как и по всей стране, свирепствовал поиск шпионов и вредителей, звучали речи о необходимости проведения «чистки на флоте». Дело доходило до откровенного маразма. Вместо вызванного недавно в Москву флагмана 1 ранга Викторова флот возглавил Григорий Киреев.

Но бурление говен – как называл происходящее про себя Николай Кузнецов – дошло до того, что командир 3-й морской бригады кораблей, товарищ Октябрьский, открыто обличал теперь уже своего нового командующего – Киреева.

Штаб флота встретил Кузнецова молчаливыми стенами, настороженными взглядами и обилием бумаг. За последние месяцы, с момента отъезда Викторова, всё здесь держалось на страхе и осторожности. Люди стали говорить тише и короче, молчать чаще и шарахаться от почувствовавших свою силу чекистов. Ему с ностальгией вспоминалась Испания – простая и ясная в своей опасности. А тут, вместо фронта – штаб, вместо врага – бумага и улыбки окружающих.

Прямо с поезда, угодив в этот творящийся вокруг гадюшник, в самый разгар «изъятия» командного состава, Кузнецов всеми силами старался отстраниться от аппаратных игр и с головой ушёл в работу. Дел на него нагроулили с избытком, и начал он, к удивлению очень многих, в первую очередь с морской авиации. Вместе с командующим авиацией, комбригом Жаворонковым, он объезжал аэродромы, знакомился с командирами, лётчиками, вникал в наличие и состояние техники.

И вот сейчас он сидел и с ненавистью смотрел на телеграмму:

«прислать характеристику ст лт Хренова АМ отметить наличие связей с троцкистами анархистами прочими буржуйскими элементами».

Кузнецов провёл ладонью по лбу, как будто хотел стереть напряжение. Потом аккуратно выложил перед собой чистый лист, обмакнул перо в чернильницу и начал писать. Спокойно и взвешенно, когда каждое слово – как шаг по тонкому льду.

Самый конец августа 1937 года. Аэродром Биарритца.

Лёха моргнул пару раз, привыкая к полумраку салона после яркого солнца. Жаркое солнце Испании всё ещё билось в его глазах радужными пятнами, но то, что он увидел внутри, быстро привело его в очень бодрое состояние.

На полу, у борта, валялись – иначе не скажешь – Васюк и Смирнов, связанные, с кляпами во ртах. Васюк, здоровенный белорус, выглядел нелепо скрюченным, и только глаза выдавали его бешенство. Смирнов тяжело дышал, стараясь не двигаться и не тревожить ранение. А сверху, почти сидя на Васюке – как на диване, – расположился здоровенный толстяк арабской внешности. Жидкую, сальную бородёнку он, видимо, когда-то пытался расчесать, но результат получался исключительно непрезентабельный. Лицо у него было круглое, потное, с явно выраженным налётом дебилизма. В руках у него блестел здоровенный нож – будь он чуть длиннее, потянул бы на саблю, будь чуть изящнее – на кинжал, но сейчас он больше напоминал инструмент мясника, чем оружие воина. Араб лениво ткнул Васюка в зад, вызвав сдавленные, возмущённые стоны – и при этом тупо ухмыльнулся.

А вот второй участник действия при взгляде вызывал подспудную тревогу. Невысокий, живой и юркий, с быстрой мимикой, острыми движениями и глазами, как у хорька – блестящими и настороженными. Именно он держал пистолет у лба нашего не состоявшегося менеджера по туризму. Говорил он по-французски, с акцентом, но бегло и уверенно.

– *Monsieur le pilote...* – сказал он, наклонившись ближе и пахнув Лёхе в лицо давно нечищенными зубами. – Сейчас ты заведёшь мотор, взлетишь – и полетишь на запад. Прямо к Бильбао.

Он кивнул в сторону лежащего Смирнова, чуть опустив пистолет на уровень Лёхиной груди, и махнул свободной рукой своему арабскому придурку:

– Иначе Мудахо... сначала убьёт этого.

Мудахо ткнул тесаком в тело Смирнова. Тот со стоном дёрнулся, Лёха лишь крепче сжал зубы.

– А потом – этого идиота, – добавил дёрганный, кивнув на Васюка, которого в этот момент снова пошевелили тесаком.

Замерев перед дулом пистолета, Лёха исключительно сильно жалел, что свой верный «Браунинг» он не взял с собой в город, остерегаясь французских жандармов. Сейчас он был спрятан под панелью приборов, до которой ещё предстояло как-то добраться.

Лёха бросил быстрый взгляд по сторонам, пытаясь найти решение сложившейся ситуации. Дёрганный с пистолетом увидел это движение и снова ткнул стволом в грудь Лёхи:

– Замер немедленно! – нервно крикнул бандит, заставив Лёху снова замереть. – Довезёшь нас без проблем до Бильбао – и я обещаю, отпущу вас всех!

Знакомый нам Серрано Гадео, растянул губы в улыбке. Слишком спокойно и уверенно.

– Да чтоб ты сдох, ублюдок фашистский, – тихо прошипел Лёха.

«Ну Васюк... *Лопух феерический! Олень из Беловежской пушцы! Как можно было так попасться? Хотя... долетели, расслабились. Или, зная его – наверняка полез помочь с чем-нибудь, вот и огрёб...*» – проскочила в Лёхином сознании стремительная мысль.

Толстяк довольно захрюкал:

– Э-э-э! Быстрее! Полетели, *señor piloto!* Полетели! – закричал он и начал покачиваться взад-вперёд, будто подбадривая самолёт своей тушей.

Лёха зло сплюнул под ноги, медленно опустил с таким трудом раздобытое пропитание, пролез к креслу и щёлкнул тумблером, включив основной аккумулятор...

Самый конец августа 1937 года. Аэродром Лерида.

Николай Остряков стоял у края взлётной полосы и молча смотрел, как отлично знакомый ему СБ Алексея Хренова привычно выруливает на взлётную полосу, постепенно ускоряясь, будто нехотя отрываясь от земли. Пыль, серая и сухая, уже привычная для Лерида, встала дымным шлейфом и закрутилась за машиной. Моторы ревели хрипло, надсадно, и это был знакомый звук – почти родной. Самолёт на миг повис на концах шасси и, сбросив тяжесть земли, ушёл в небо – сначала низко, потом с плавным набором высоты, словно прислушиваясь к собственным силам.

Шёл второй вылет за день. Остряков провожал самолёт взглядом, как кого-то слишком хорошо знакомого и слишком часто провожаемого в неизвестность.

С тех пор как их перебросили в Лериду почти две недели назад, все вымотались и смертельно устали, боевая работа шла почти без остановки. Всё, что можно было стянуть из резервов, стянули сюда. Даже морскую эскадрилью задействовали по полной. С утра они всей толпой, как выразился Остряков, слетали на Сарагосу – били по франкистской колонне, что ползла по дороге к востоку от города. И вот теперь – новая цель: требовалось ввалить по скоплению техники франкистов у Бельчите. Приказ пришёл внезапно, без расшифровки, но с пометкой: «всем готовым – немедленно вылететь».

На Лёхин борт, после того как Николай Зобов выбыл с ранением, поставили нового командира – Александра Тихомирова, молодого парня, только попавшего в Испанию с последним пароходом из Одессы. Штурманом к нему определили Степана Феоктистова, также из последнего пополнения – с виду угрюмого, зато спокойного как гранит. Усилили их испанцем-стрелком, из тех, кто не говорит по-русски, но зато активно машет руками в разговоре – вот и получился лоскутный экипаж, собранный наспех, будто подменная форма в парадном строю.

Сначала Николай попытался возразить. Мысль о том, чтобы отправить одиночный бомбардировщик в район, где, по всей вероятности, будут дежурить истребители противника, казалась ему безрассудной.

Сенаторов тяжело вздохнул, будто пропуская через себя весь груз решения, и сдержанным голосом объяснил Острякову:

– Надо любой ценой ударить по скоплению техники у Бельчите, туда идёт основная группа. Чтобы расчистить им дорогу и отвлечь внимание, придётся отправить один бомбардировщик на полчаса раньше к Хуеске. Понимаю, риск большой...

Он помолчал, затем добавил мрачно:

– Экипаж проинструктировали: подходить к цели на полной скорости, на максимальной высоте, вывалить всё с ходу над целью – и сразу же разворот назад.

Сейчас, наблюдая, как СБ уходит в небо, Николай мрачно стиснул зубы. Хотелось верить, что они справятся. Что небо будет к ним благосклонно, и что немцы, если и появятся, не успеют вовремя.

До его собственного вылета оставалось чуть больше получаса. Экипажи сидели в тени под крыльями, дожидаясь команды. Воздух дрожал над раскалённой взлётной полосой. Николай, почесав зудящее под комбинезоном тело, бросил взгляд туда, где едва различимым силуэтом в небе исчезал Лёхин самолёт.

Самый конец августа 1937 года. Аэродром Биарритца.

«Энвой» медленно, почти лениво выруливал на взлётную полосу. Складывалось впечатление, что на французском аэродроме никто особенно не интересовался происходящим – ни дежурный на вышке управления, ни парни в брезентовых куртках, курившие у ангара. Никому не было дела до того, что в воздух собирается подняться машина с неряшливо заклеенным, пробитым пулями крылом.

Лёха сидел за штурвалом – внешне спокойный, но с безумным напряжением внутри, лихорадочно пытаясь придумать выход из этого крайне неприятного положения. Двигатели набрали обороты, и он, плавно поддав на рычаги, вывел машину на старт. Самолёт, вздрагивая, начал разбег, и вскоре трава аэродрома осталась позади – за окнами потянулась знакомая, уже почти родная французская земля. Он поднял нос, и самолёт, ревя моторами, пошёл в плавный набор высоты. Чуть набрав высоту и выровняв курс, он аккуратно потянул ручку влево, с надеждой направляя машину к югу, в сторону Мадрида.

И тут, прямо над его ухом, раздался истеричный голос Гадео – визгливый, сорвавшийся на крик, будто лопнула натянутая струна.

– Куда?! Лети вдоль побережья! Живо!!

И в следующий момент Лёха почувствовал, как в бок больно ткнули чем-то металлическим.

– Сука! Козёл вонючий... – выдохнул он сквозь зубы и медленно повернул голову.

Гадео, нервный, с горящими глазами, сидел сразу за ним и прижимал к его рёбрам пистолет, дрожащими пальцами сжимая рукоять.

Лёха зло глянул в зеркало заднего обзора, встроенное в рамку над головой. В конце салона, как сваленные в кучу мешки, лежали связанный Васюк и постанывающий Смирнов. Лиц их почти не было видно – лишь движения и тени.

А вот здоровенный придурок с жидкой бородёнкой и идиотским выражением лица приник к правому иллюминатору и радостно улыбался, как будто ехал на экскурсию. Он потирал ладони, что-то негромко приговаривал себе под нос и, кажется, ещё чуть-чуть – и он начал бы пускать слюну от восторга.

Лёха выдохнул и перевёл взгляд на море. Хорошо. Вдоль побережья – так вдоль побережья. Но мысленно он уже просчитывал, сколько осталось до испанской границы и как достать надёжно спрятанный под приборной панелью тот самый «Браунинг».

«Н-да... так вот и предвосхитишь подвиг Гастелло. Придётся где-нибудь в Бильбао выбрать корабль франкистов побольше!» – кипели в голове пилота поневоле мрачные мысли.

Потому что лететь – это одно.

А вот сдаваться в плен Франко он не собирался от слова совсем.

Самый конец августа 1937 года. Аэродром Уэски.

Обер-лейтенант Харро Хардер, высокий блондин с чертами лица, словно вырезанными по эталону арийской расы, уверенно шёл к своему новому истребителю Messerschmitt Bf-109B. Ему было всего двадцать четыре, но за спиной уже числился год войны, победа и заработанная репутация надёжного и хладнокровного пилота. Он был молод, амбициозен, и именно его фотография, казалось, могла бы иллюстрировать смысл существования Главного управления СС по расе и поселению.

Солнце испанского лета палило безжалостно, но Хардер, привыкший к жаре, не обращал на это внимания.

Когда-то, в начале 1937-го, он летал на Хенкеле Не 51 – тяжеловесном, стремительно устаревающем биплане. Именно на нём он совершил невозможное: в январской схватке над югом Андалусии, в районе наступления на Малагу, он сбил советский И-16 – тот самый «Рата», быстрый, манёвренный моноплан, настоящий кошмар для «хейнкелей». Этот бой запомнился ему навсегда – как пример того, как техника уступает решимости, расчёту и хладнокровию.

Сейчас, летом, его эскадрилья одной из первых пересела на новые Bf 109B – тонкие, резкие, как нож, с новой рацией, а главное – скоростные и с высокой скороподъёмностью. Таких машин было мало, но Хардер сумел превратить нехватку в тактическое преимущество. Из двух уставных летающих "клином" троек самолётов он сделал три подвижные, живые пары, которые могли действовать автономно или поддерживать друг друга, получив вызов по радио.

На стоянке его уже ждал техник, старательно проверяющий машину.

– Как состояние? – спросил Хардер, бросив короткий взгляд на истребитель.

– Всё в порядке, господин обер-лейтенант. Боекомплект полный, топливо заправлено. Приходит приборист – настроил рацию, всё работает.

Хардер кивнул. Он знал цену словам техников и всегда перепроверял, но с этим парнем, мрачным в своей механической точности, мог позволить себе поверить на слово.

Он поднялся по ступенькам приставленной лестницы, устроился в кабине, застегнул ремни. Зафиксировал кислородную маску и щёлкнул переключатель рации.

– Второй, готов к вырубиванию, – сказал он в микрофон.

В наушниках зашипело, и раздался знакомый голос ведомого:

– Я второй. Готов к взлёту, господин обер-лейтенант.

– Второй, принято. Взлетаем парой.

Двигатель «мессера» взревел, и самолёт начал разбег по взлётной полосе. Через несколько секунд он оторвался от земли и устремился в небо, набирая высоту.

Хардер взглянул на приборы – всё работало исправно. Он чувствовал, как адреналин разливается по телу, предвкушая полёт.

Патрулирование только начиналось. В небе было пусто, но Хардер не обманывался – тишина над Испанией никогда не длилась долго.

Самый конец августа 1937 года. Небо над побережьем Бискайского залива между Биарритцем и Сан-Себастьяном.

«Энвой» шёл на высоте трёх с небольшим километров над побережьем. Слева, у горизонта, тянулась всё ещё французская земля, выцветшая от солнца и пыли, но уже обещающая вскоре перейти в ещё более гористую испанскую. А справа же, насколько хватало взгляда, в лучах солнца сверкал Бискайский залив – холодный, безмятежный, равнодушный ко всему, что происходило в кабине.

Лёха сбросил газ до самого минимума, лишь бы только самолет оставался управляемым. Самолёт шёл ровно, чуть подрагивая в потоках воздуха. Он, не отрывая взгляда от обстановки, в очередной раз прокручивал в голове, как бы вышвырнуть этих франкистских ублюдков из своей машины.

И тут сзади донёсся странный звук – что-то сбилось в монотонном ритме, в привычной какофонии двигателя появился фальшивый, живой аккорд. Как будто кто-то резко вдохнул, задышал в захлёт, потом заскребло, зашуршало, заворочалось, глухо хрипя. Что-то живое, сдавленное, неуместное в механическом ритме полёта. Звук борьбы.

Лёха метнул взгляд в зеркало заднего обзора – и остолбенел.

На полу, словно выскочив из ада, Васюк душил толстого испанского придурка. Причём душил, чёрт возьми, развязанными руками. Видимо, Борис Смирнов, преодолевая боль, сумел частично освободить путы на ногах и ослабить верёвки на руках Васюка. А уж тот не раздумывал долго.

Теперь Васюк, казавшийся в мирной жизни неповоротливым здоровяком, выглядел, как бешеный клоп, вцепившийся в спину жирной туши. Испанец с вытаращенными глазами выронил нож, хрипел и лихорадочно пытался отцепить руки со своей шеи. Но его силы уходили, голова дёргалась из стороны в сторону, а Васюк с безумным лицом только давил сильнее.

Серанно Гадео, обернувшись, резко дёрнулся – и в тот же миг вскочил, с перекошенным злобой белым лицом, оперевшись головой в потолок. Насколько позволяла тесная кабина, он рванулся вперёд, вытянув вперед руку с пистолетом. Дуло зажатого в руке пистолета дрожало, нацеленное в клубок дерущихся тел.

Лёха показалось, он видит, как палец мерзавца начал выбирать короткий ход спускового курка...

Глава 3. Чебурек Судного дня

Самый конец августа 1937 года. Небо над побережьем Бискайского залива между Биарритцем и Сан-Себастьяном.

Серрано Гадео вздрогнул, как ужаленный, обернулся на шум и резко вскочил – насколько позволяла теснота салона. Его плечо врезалось в стенку, пистолет дёрнулся в руке, но он тут же выровнялся и, полусогнувшись, качнулся вперёд к клубку дерущихся.

Он целился прямо в эту бешеную груды тел, где Васюк, похожий на разъярённого зверя, вгрызался в тушу арабского мясника. Гадео заорал – сипло, судорожно, на испанском, бессвязными обрывками слов. Лицо у него побелело, как мел, пистолет затрясся в руке, палец лёг на спусковой крючок...

Лёха рванул штурвал влево, загоняя «Энвой» в вираж, пытаясь хоть немного сбить дерганому испанцу линию прицеливания. В этот момент Гадео, кажется, окончательно слетел с катушек. Он вскинул пистолет в сторону кабины, пытаясь поймать в прицел сидящего за штурвалом Лёху.

В крошечной кабине «Энвоя» оглушительно грохнул выстрел.

Лёха вскрикнул – боль обожгла раненное ещё под Барселоной предплечье левой руки. Пуля прошла по касательной, впиалась в деревянную обшивку кабины и, преодолев сосновое препятствие, унеслась в голубую бездну за бортом, сделав аккуратную дырку, откуда немедленно потянуло холодным воздухом.

На одних рефlekсах Лёха выкрутил штурвал вправо, буквально насилуя удивлённый лайнер, упрямо заставляя инертную тушу самолёта менять курс. «Энвой» резко завалился теперь на другое крыло. Гадео взмахнул руками, ловя равновесие, и сделал шаг вперёд, пытаясь удержаться на ногах.

И тут на сцену вышел Он.

Позабывший в вихре событий, преданный и брошенный Лёхой, но не сломленный и блистающий масляной аурой – Чебурек.

Когда-то он был с мясом. Или, возможно, с «мьсяю». История гавкающего ли, мяукавшего ли мьсяю внутри осталась нераскрытой. Сейчас же его трудно было идентифицировать. Но одно было точно – он был коварен. И лежал он себе в углу на полу, приплюснутый, ещё горячий, вонючий, ждавший звёздного часа. И этот миг настал. Воспользовавшись резким виражом «Энвоя», Чебурек двинулся в атаку!

Нога Гадео чётко наступила прямо в центр его жареной души. Скользкий жир сделал своё дело – подошва захватчика резко поехала вперёд и вбок. Испанец судорожно взмахнул руками, как испуганный гусь крыльями на льду, взвизгнул – и с коротким, глухим ударом рухнул навзничь, влетев головой в переборку.

Пистолет вылетел из его руки, описал грациозную дугу по салону, ударился о подшивку потолка, звякнул и исчез в хвосте самолёта, будто в цирковом номере.

Лёха застыл, глядя в зеркало. Потом его губы дёрнулись в усмешке, и он проорал:

– Что, суки?! Отведали жирного воина фронтового питания!

А в салоне Васюк всё так же яростно душил врага испанского народа, катаясь из стороны в сторону. Боролся с франкистским придурком, не отвлекаясь ни на чебуреки, ни на виражи.

Самый конец августа 1937 года. Небо над Уэской.

Харро Хардер привычно устроился в кабине своего «мессершмитта». Его самолет легко резал воздух и он просто наслаждался полётом. Небо чистое, видимость отличная, воздух ровный, как стекло. Они медленно набирали высоту, удерживая курс юго-восточнее Хуески, к привычной зоне боевого дежурства. Мотор урчал почти ласково, не надрываясь. Сзади и правее, метрах в семидесяти – ста, держался его ведомый.

Всё было спокойно. До этого момента.

Сегодня они прикрывали возвращение своего разведчика – тонкого, как карандаш, «Дорнье-17», шедшего по привычному маршруту из района Барселоны. Харро надеялся, что Йопп Бухвален, пилот «карандаша», не успел залить свои глаза в полёте и встреча пройдёт без приключений. По расчётам, его «юнкерс» должен был скоро показаться с юго-востока.

И вот – есть! В шлемофоне захрипел голос ведомого, всегда хваставшегося своим зрением:

– Первый! Первый! Справа тридцать, самолёт.

Хардер мысленно сплюнул – его ведомый опять первым заметил чёрную точку у горизонта. Маленькая, пока крошечная, она приближалась, с каждой секундой вырастая в далёком небе.

Он слегка наклонил машину, чтобы лучше видеть приближающийся самолёт, и тут...

Хардер сузил глаза – и в следующую секунду мир замер.

От точки отделились ещё более мелкие капельки.

– Бомбы! – пронзила его мозг страшная мысль.

– Первый, первый! – тут же сквозь помехи в наушниках пробился голос его ведомого. – Это не Йопп! Это «мартин»! «Мартин»! Это русские!

Хардер выругался коротко и грязно. Всё стало ясно. Это проклятый русский бомбардировщик, хитро замаскировавшийся под их разведчика.

СБ уже начал разворот, явно стараясь поскорее уйти – свалить из такого негостеприимного неба. Хардер двинул рукоятки газа вперёд до упора. Мотор взревел на высоких оборотах, винт бешено рубил воздух, энергично толкая машину вперёд.

Он даже слегка опустил нос, давая машине чуть больше свободы, разгоняясь ещё сильнее – вниз и немного вправо, под СБ.

С советскими бомбардировщиками он уже сталкивался и знал, что у них мёртвая зона – прямо под фюзеляжем, снизу-сзади. Именно оттуда и надо было заходить.

Расстояние между машинами активно сокращалось. Уже можно было чётко разглядеть матово-зелёную окраску СБ с цветными полосами на киле. Необычный блестящий шарик верхней стрелковой точки, торчащий тонкий ствол нижнего пулемёта, блестящий на солнце колпак кабины пилота. Советский самолёт шёл ровно и не маневрировал, возможно он не заметил настигающую его пару истребителей, или же надеялся уйти за счёт скорости.

Руки чесались открыть огонь, но хотя Хардер и торопился, но всеми силами сдерживал свои, настолько естественные желания. С его двумя дохлыми пулемётами надо было подойти вплотную и бить в упор – так, чтобы первым и последним словом стала прицельная очередь.

Он чуть добрал штурвал на себя, ловя в прицел левый мотор бомбардировщика, и выровнял свой самолёт под брюхом противника, уравнив скорости.

Теперь он видел даже заклёпки на хвосте советского самолёта. Рука сама откинула предохранитель. Сто метров. Почти вплотную.

Он прицелился – и нажал на гашетки пулемётов...

Самый конец августа 1937 года. Небо над побережьем Бискайского залива между Биарритцем и Сан-Себастьяном.

Лёха всеми фибрами души хотел бросить штурвал и вписаться в хоровод, что разворачивался в пустом салоне его самолёта. Помочь Васюку, вмазать кулаком по истории, внести личный вклад в борьбу с Франко, наконец. Но, увы – автопилота в его пепелаце не было, и отпускать штурвал значило доверить управление лайнером силам аэродинамики и Господу Богу одновременно. Ни одни, ни другой не вызывали у Лёхи особого доверия.

Позади него, в нелепой позе, возился, пытаясь подняться Гадео, впечатанный головой в стенку – теперь уже просто Серрано. Вид у него был такой, будто его не столько побили, скорее выдернули из розетки.

В это же самое время, под действием очередного лихого виража, валяющийся в конце салона Борис Смирнов, возможно случайно, задел за дверь. Или, может быть, та изначально не была поставлена на стопор – не суть. Главное, что дверь с лёгким металлическим щелчком сорвалась с запора и теперь радостно хлопала. Каждое её движение впускало в салон бодрый поток прохладного воздуха и открывало перед участниками полёта шикарный вид на мелькающий внизу ландшафт, напоминающий гугл-мапс в режиме полёта.

При очередном резком вираже – правом на этот раз, да ещё с просадкой по высоте – Васюк с придурком докатились до зияющей бездной двери. Драка продолжалась в партере, если обшарпанный фанерный пол «Энвоя» можно было так назвать.

Ни сидений, ни привязей – только пустой салон, гул моторов и рёв воздуха из распахнутой двери, болтающейся на шарнирах.

Толстяк всё-таки пересилил. Тяжело дыша и хрюкая, он оседлал Васюка, навалился всем своим жирным нутром и с какой-то утробной радостью сдавил ему горло жирными пальцами, так что захрустели суставы. Улыбка расплзалась по его тупому лицу, глаза блестели, как у упитанного маньяка, дорвавшегося до беззащитной жертвы. Васюк хрипел, багровел, бился под тушей, выцарапывая воздух, и всё же не сдавался. Его пальцы цеплялись за запястья врага, пытаясь отодрать их от собственной шеи.

Лёха, вцепившись в штурвал, вёл «Энвой» по какой-то дерганой траектории, то вверх, то вбок, бросая взгляды в зеркало, вжимая самолет в небо и пытаясь хоть как-то помочь, хоть как-то изменить исход этого дикого клинча.

И тут... Борис Смирнов, лежащий кулём у переборки, вздрогнул, зашипел сквозь кляп, извернулся, как змей, и с силой пнул обеими ногами в морду арабу.

Раздался хруст – как от треснувшего арбуза, который уронили на землю. Толстяк замер, шокированный, на мгновение ослабил натиск и разжал пальцы – но этого оказалось достаточно. Васюк с неестественной, остервенелой мощью пихнул врага. Толстяк завалился назад и скатился с Серёги.

Жирные пальцы соскользнули с шеи лётчика, оставляя на коже кровавые царапины, похожие на метки палача.

Васюк захрипел, хватая воздух ртом, и с побелевшими от натуги глазами вдруг, с лицом полного безумия, заорал:

– Бл**! Хай живе, Африка!..

...и пихнул ногами придурка так, что тот, с диким визгом, проскользил по полу, влетел в открытую дверь, на секунду завис в проёме – будто хотел зацепиться за жизнь, – а резко исчез за границей самолета.

Васюк, тяжело дыша, пошатнувшись, встал. Ноги под ним дрожали, но упрямство белорусского происхождения держало крепче, чем любая адреналиновая накачка. Он приблизился к уже вставшему на ноги и вытащившему узкий нож, нечленораздельно мычащему угрозы Гадео. Тот стоял согнувшись, покачиваясь из стороны в сторону, вытянув руку с ножом в сторону Васюка. Испанец стоял широко расставив ноги, слегка шевелясь и даже пытаясь что-то сказать, но слов не выходило – только шипение, похожее на писк пробитой фисгармонии.

Васюк молча пригнулся, сделал ложный выпад левой и тут же резко поймал руку с ножом правой, затем схватил урода за шиворот и приподнял, будто мокрую тряпку. Поднял с такой лёгкостью, будто это не человек, а шарик с воздухом. Рядом с Васюком Гадео казался мальчишкой, случайно забредшим в мордобой эпохального масштаба.

– Зараз паляциш! – хрипло выдохнул Васюк, и с коротким, мощным движением отправил франкиста к открытой двери. – Хай живе рэвалюцыя!...

Гадео коротко взвизгнул, успел взбрыкнуть ногами, будто хотел зацепиться за воздух, но уже в следующий миг исчез за бортом, унесённый ревущим потоком и собственной судьбой.

Васюк тяжело опёрся о косяк, с грохотом захлопнул дверь, проверил стопор, дёрнув его с раздражением.

После этого буквально рухнул на пол, как срубленное дерево, распластавшись на фанере, закрыв глаза и приоткрыв рот.

– Б...л... – прошептал он, прерывисто дыша, как выброшенная на берег рыбина.

А в небе снова стало тихо. Тихо по-авиационному.

Самый конец августа 1937 года. Севастополь.

Военврач третьего ранга Люба стояла у зеркала и рассматривала своё отражение, закусив губу. Не от волнения – от злости. Последние недели особист полка стал просто невыносим. Сначала прямых слов не было, но намёки становились настолько жирными, что казалось – сало прямо стекает с них и капает на пол. Он говорил о ней с нажимом: *«надо же понимать обстановку»*, *«многое зависит от твоей сговорчивости»*, *«кругом окопались вредители и враги народа»*. А сегодня, проходя мимо, бросил:

– Зайдёшь ко мне вечером. После девяти.

И всё это – с сальной ухмылкой, с попыткой прижаться, с похлопыванием по обтягивающей зад юбке и стремлением заглянуть в вырез. Убого, примитивно, но с полной уверенностью в своей безнаказанности.

И даже не так важно, что он был женат, разведясь несколько лет назад, Любочка конечно старалась с такими не встречаться, да и как мужчина он ее совсем не привлекал, но ... Больше всего её пугала дурная репутация особиста. У него уже были любовницы в части – и не одна, и не две. Одну из них Люба знала лично. Та, глупенькая, сначала ходила королевой, потом однажды разрыдалась в ординаторской, выговорила Любе, промочив слезами весь халат. А потом – вдруг притихла, ходила робкой тенью, с потухшими глазами. И исчезла через пару недель. Сказали, будто переведена в Симферополь, но Любочка не поленилась – набрала подружку из госпиталя и невзначай выяснила, что исчезнувшая медсестра там так и не появлялась.

«Надо валить. Срочно.» – Решение созрело мгновенно – как бывает у тех, кто уже на грани.

Сначала Люба ловко подъехала к начмеду части и добила направление в Севастополь, якобы на окружную конференцию. Она говорила про обмен опытом, про новые методики, про выступления... Тот посмотрел на Любочку грустными, понимающими глазами, кивнул и подписал без лишних вопросов.

Вечером, в казённой гостинице на набережной, Люба привела себя в боевую форму. Не вульгарно, но грамотно – как полагается человеку, который идёт не соблазнять...

– *Не столько соблазнять* – поправила сама себя Любочка, – *а убеждать!*

Губы – чуть поярче. Глаза со стрелочками – чуть выразительнее. Ремень на талии слегка подтянут, чтобы подчеркнуть привлекательные формы.

Убедившись в зеркале, что выглядит не хуже любой московской актрисы, Люба надела туфли на каблучке и направилась в здание управления медслужбы флота.

Заместитель главного флотского медика, Валерий Афанасьевич, был человеком веселым и на женщин реагировал, как положено моряку – от невнятной вертикали до полной горизонтали.

– Валерий Афанасьевич! – проворковала Люба грудным голосом, от которого у мужчин встают волосы даже в носу, и шагнула в кабинет, чуть приподняв подбородок и широко распахнув светло-серые глазницы.

Тот поднял голову от бумаг, заулыбался и сразу как-то весь оживился.

– Да-да, Любовь Аркадьевна... Э-э... да, Люба, слушаю внимательно.

– Я слышала, – сказала она, стрельнув глазами с лукавой улыбкой, – пришла разнарядка на медиков в Испанию. Так вот...

– А откуда вы знаете такие совершенно секретные сведения? – слегка заигрывая, спросил ещё не старый замначмеда.

– Валерий... Афанасьевич! Отправьте меня! Пожалуйста! – Люба прижала руки к груди, невольно совершив пуш-ап. – Не могу больше, засиделась я на одном месте с этими лётчиками!

Она слегка наклонилась, облокотившись на край стола, открыв шикарный вид на оба полушария.

Молчание затянулось на несколько секунд – в силу неспособности замначмеда продолжать разговор.

А потом Валерий Афанасьевич выдохнул, с усилием оторвал глаза от красоты и произнёс:

– Ну что ж, если есть желание... помочь испанцам в их этой борьбе за коммунизм... Пиши рапорт, солнце, оформим...

– И да, Любовь Аркадьевна! – мужчина встал и проникновенно посмотрел на Любочку, – Не считите за наглость, давайте сегодня поужинаем сегодня вместе...

Самый конец августа 1937 года. Аэродром Альгвайре, 15 километров севернее города Лерида (Льейда).

Лёгкий двухмоторный самолёт с французскими опознавательными знаками бодро скользил над плоскими, выгоревшими полями Лерида, как большая стрекоза с бензиновым выхлопом. Машина шла довольно низко – то ли сэкономила силы, то ли просто скрывалась от ненужных попутчиков. Со стороны она могла показаться мирной, чуть ли не игрушечной, если не знать, что внутри сидели трое мужчин в не самом парадном виде. Один лежал на полу салона с пулевым ранением, другой внимательно рассматривал окрестности с перевязанной рукой, третий же – с синяками на лице и распухшим горлом – морщась, держал за штурвал.

– Всё, кончилось твоё шоссе, Шумахер, – бодро пихнул Лёха Васюка. – Сваливай давай с водительского места! Санитарный автобус переходит в режим ручного управления.

– Да ладно тебе, – прохрипел Васюк. – Я же ровно вёл. И как вы с этой баранкой от грузовика вместо нормальной ручки управляетесь?!

Васюк, ещё немного повозмущавшись, всё же передал Лёхе «баранку от автобуса» и перебрался назад, усевшись по соседству с пилотом прямо на пол, натужно хрюкнув от неловкого движения, вызвавшего боль в шее. Вид у него был самый что ни на есть геройский – помятая физиономия, вся в синяках, распухшая и наливающаяся синевой шея и расцарапанные руки. Он пару секунд поглядел на Лёху, потом – на Смирнова, устроившегося на полу кабины под одеялом.

– Он вообще дышит?

– Ещё как, – кивнул Лёха. – Кажется, даже похрапывает.

– Я всё слышу, – отозвался Борис Смирнов.

Потом все на секунду замолчали, переваривая произошедшее совсем недавно. Обстановка располагала...

Буквально час назад, отправив в незапланированное парашютирование двух самозваных угонщиков самолёта, Лёха развернул машину на восток, идя над Францией вдоль границы с Испанией. Постепенно между ним и Испанией стали вырастать Пиренеи.

– Лучше сделать крюк, чем общаться с «мессершмиттами», – озвучил свои размышления командир санитарного автобуса.

Минут через пятнадцать после схватки Васюк сел и даже хрипло подал голос, с некоторой попыткой задорности:

– Алексей... ты вообще как?

– Я-то? – Лёха ухмыльнулся, не отрывая рук от штурвала. – У меня-то даже пуговицы на комбинезоне целы. Вон только грабка слегка кровоточит. Вот ты как? Дышать, двигаться, материться можешь?

– Ну... – Васюк неуверенно потёр шею. – Вроде жив, – просипел он в ответ. – Давай, подменю тебя минут на десять? Покажи, как рулить твоей балалайкой.

Самолёт шёл на восток, ровно, будто лениво скользя по воздуху. Снизу мелькали редкие пятна деревень, террасы полей, постройки – всё то, что в нормальной жизни казалось бы пейзажем, а сейчас просто фоном под крыльями. Казалось, и сами горы – не стоят, а поднимаются, ползут навстречу. Сперва чуть синеватая даль, потом чёткие, выпуклые линии – и вот уже впереди, справа, всплыла целая горная гряда.

Как корабль, вышедший из тумана.

Снежные, яркие, ослепительные на солнце склоны. На гребнях переливался ледник – то голубым, то белым, то серым. Центральная вершина вздымалась мощно и тяжело, метров на четыреста выше идущего на трёх тысячах «Энвоя».

– Красотища... – прошептал Васюк, охрипшим голосом, будто боялся спугнуть зрелище.

Лёхе пришлось чуть наклониться к нему, чтобы разобрать сказанное. Ответа не потребовалось – в такие моменты молчание работало лучше любых слов.

Они обогнули хребет с уважением. Плавно, по широкой дуге, почти как если бы совершали четверть круга почёта.

А внизу начиналась Испания. Их Испания.

Самолёт чуть вздрогнул. Шасси вышли с мягким стуком и встали на место. Лёха зашёл на посадку без круга, с прямой. Колёса плавно коснулись земли, простучали, подпрыгивая по не очень ровной траве, и самолёт покатился к стоянкам.

Машина докатилась почти до края поля и, по командам флажками от удивлённого дежурного, указывавшего, куда встать, развернулась и наконец замерла.

Кабину на секунду накрыла тишина.

– Поезд дальше не идёт, просьба освободить вагоны! – сказал в салон Лёха.

Смех прошёлся по кабине – живой, нервный, освобождающий от всего пережитого. Смех людей, которые вернулись.

Глава 4. Квадратные кирпичи и круглые волны

Сентябрь 1937 года. Удаленный пирс в порту Картахены.

Лёха сидел на краю пирса Картахены, поджав колени, удобно оперевшись спиной на покатый скос причала, как человек, которому сегодня некуда спешить, и который не уверен, что вообще когда-нибудь снова побежит. Под ним покачивались тени воды, лениво облизанные вечерним солнцем. В пальцах он лениво перекачивал очередной плоский камешек и запускал его в сторону гладкой водной пустоты. Камень шлёпался с глухим плюхом, оставляя на поверхности расходящиеся круги – аккуратные, правильные, как мысли, которые он не хотел думать, но всё равно думал.

Слева, у подгнившего швартовного бруса, на расстоянии маха правой руки, пряталась бутылка красного – одинокая, как маяк для уставшего моряка. Темное стекло ловило последние отблески солнца, а Лёха будто не замечал её, но и не отпускал из поля зрения, иногда протягивая руку и ловко выуживая беглянку из укрытия.

Это был, по версии командования, «единственный выходной». То есть днём его вместе с Остряковым дёрнули в порт к его морскому начальству, где сначала два часа обсуждали подводное пиратство, развязанное итальянцами против любых судов, заподозренных в поставках грузов в Испанскую республику и, самое главное, проводку очередного конвоя от побережья Алжира.

А потом... А потом товарищи командиры зажгли... Или отмочили...

И вот теперь, к вечеру, он принадлежал себе. Почти. Почти – потому что мысли лезли в мозг, как пыль лезет в глаза, разогнанная винтами при взлёте с грунтовой полосы. Слишком многое случилось с ним и вокруг за те дни, пока его не было. Люди. Встречи. Один борт попал в плюс, другой, любимый, ушёл в минус. Кому-то, можно сказать, повезло, кому-то – не особенно. И теперь вот он сидел, как школьник после контрольной, глядя в воду, и пытался отстроиться от накатывающих на него мыслей.

«Авиационные зажгли, а флотские отмочили...» – поржал про наш себя попаданец из будущего, снова приходя с характерное для него пофигистическое состояние.

И тут, как назло, из-за угла возник силуэт, от которого у любого нормального бойца портился аппетит, даже если перед ним стояла жареная барабулька или, особенно бутылка рюхи. Замполит. В кожанке. С выражением высшей партийной настороженности на лице. Лёха успел только мысленно сплюнуть через левое плечо.

– О! Алексей! Привет! Как дела? Что делаешь? – как всегда, без вступлений, но с интонацией, как будто ловит его на месте преступления, начал бывший кавалерийский начальник.

Лёха посмотрел на него краем глаза, как на чайку, севшую рядом, но слишком большую чтобы просто отмахнуться.

– Вот размышляю, – нехотя выдал он и случайно нащупал под правой рукой не камешек, а целый красный кирпич, заброшенный в это место временем или портовыми строителями.

– И о чем же это ты размышляешь? – ехидно поинтересовался политический вдохновитель.

– Кирпич квадратный, а круги по воде круглые идут, – философски заметил Лёха и с видом античного мыслителя метнул строительное изделие в воду. Всплеск был солидный, круги пошли тяжелые, вальжные, как от накатывающейся волны во время непогоды.

– А-а-а, – глубокомысленно протянул замполит, замороженно следя взглядом за разбегающимся круговым возмущением водной глади, видимо, пытаясь уловить в этом действии скрытый марксистский смысл.

– Самый умный, Хренов! – оттаял комиссар через некоторое время.

– Кто, я? – в притворном ужасе спросил Лёха, мысленно вспоминая анекдот из своей прошлой и будущей жизни.

– Ну не я же! – не подвел его замполит.

Сентябрь 1937 года. Аэродром Лос-Альказарес, пригород Картахены.

Несколько раннее описанных выше событий.

По прилёту в Лос-Альказарес на Лёху обрушился целый шквал новостей – и, как это водится, далеко не все из них были приятными. Едва он сошёл с трапа и направился в сторону штаба, как прямо у ангара столкнулся с Николаем Остряковым, только что вернувшимся из-под Теруэля. Тот выглядел усталым, пыльным, с землистым лицом, но при этом держался бодро, с той сухой, нервной энергией, которая возникает у человека после трех часов проведенных внутри летающего ящика мотором.

– Как дела, командир? – только и успел сказать Лёха.

– Недождётесь! Здоров! – усмехнулся Остряков и хлопнув нашего попаданца по плечу, и, не снижая темпа, бросил на прощание: – Давай вечером у курилки пересечемся, поговорим. Я в штаб, меня уже там с собаками ищут.

Дальше всё вокруг завертелось. Лёха отправлял Бориса Смирнова в госпиталь Картахены, – тот был бледен, в бинтах, но бодро пожал руку Лёхе. Затем он легализовывал Васюка. Оказалось, что военная бюрократия провернулась к нему своих бумажным задом и посчитала его убывшим из страны Басков и вторичной его материализации на священной территории республиканского бардака не предусматривала. Больше всего вечно голодный представитель Гомеля расстроился, когда выяснилось, что и кормить его в официальном порядке тоже не собираются ...

Лёха извертелся на пупе, но у концу дня Васюк снова стал законным представителем одной шестой суши на территории Испании. Правда вся эта беготня настолько замучила нашего героя, что он в сердцах сказал Сереге:

– Хорошего человека «Васюком» не назовут! – чем вверх последнего на полчаса в мыслительный ступор.

В общем нашего героя капитально закрутила текучка и как водится, только к вечеру у курилки, где всегда толпился народ и можно узнать самые свежие сведения и сплетни, он наконец пришел в себя, заметив приближающегося Острякова.

Николай выглядел исключительно замученным. Он присел, закурил, затянулся – и только тогда, выдохнув в сторону, глухо сказал:

– Лёша, твоей Сбшки больше нет.

Лёха сначала даже не понял.

– В смысле нет?

– Машина твоя, не вернулась. Мы в армейцами под Сарагоссой в бомбёжке участвовали, а твой самолёт с новенькими ребятами отправили на полчаса раньше под эту Хуеску проклятую. Отвлекать внимание от основной группы. Мы хорошо отработали, чисто в воздухе было. А они не вернулись...

Лёха молчал. Слов не было. Только знакомое ощущение пустоты. Он уставился в пыль, потом на табачный дым, потом снова в пыль. Они некоторое время помолчали. Потом Лёха достал маленькую фляжку, открутив колпачок, пригубил чуть и произнес:

– Третий тост.

– Третий. – ответил Остряков, приняв фляжку.

Они помолчали ещё минуту.

– Осталось живых два борта, – продолжал Остряков, глядя куда-то в даль. – Ещё один в ремонте. Думаю, по очереди летать будем, пока моторы не сдохнут. Я тебя буду подменным экипажем держать, скорее всего после обеда на СБ с одиннадцатым номером будешь на патрулирование ходить.

– А, и с завода из Аликанте звонили, – он щёлкнул пальцами, словно вспоминая, – там два "ишака" местной сборки приготовили.

– Испанцы всё твою фамилию орут в трубку, ХеренОф!, ХеренОф! – передразнил командир. – Командование решило тебя с Васюком туда отправить. Забрать, облетать, принять. Вы оба пока безлошадные, завтра с утра, если других задач не нарежут, сразу и двигайтесь! Дотянете же сюда?

Лёха не ответил сразу. Он просто сидел. Ничего не чувствовал. Ни радости, ни злости. Просто принимал окружающую действительность. Так, как летчик принимает ветер – с пониманием, с ним не поспоришь.

– Дотянем, – тихо сказал он наконец. – Конечно дотянем. Чего тут тянуть то.

Сентябрь 1937 года. Кабинет военно-морского советника Алафузова, порт Картахены.

Некоторое время спустя описанных выше событий.

Лёха стоял в кабинете главного военно-морского советника в Испании Владимира Антоновича Алафузова, вытянувшись почти по уставу, и при этом никак не мог отделаться от мысли, что почему чувствует, что попал, мягко говоря, в аншлаги театрального представления.

Начальства набилось столько, что казалось – вот-вот начнут вешать друг на друга номерки, как в гардеробе, чтобы не перепутать. Сам Алафузов – как всегда, сдержанный и холодный, рядом с ним водный замполит, сияющий и розоволицый, но с вымученно серьёзной миной. Чуть в стороне стоял местный особист в полувоенном френче и с неизменной папкой под мышкой. Присутствовал Лёхин непосредственный начальник, командир морской группы Николай Остряков. А в углу, развалившись в кресле как у себя дома, расположился прилетевший из Мадрида Наум Белкин – представитель НКВД, известный среди советских товарищей тем, что умудрялся одновременно вызывать доверие, страх и спазмы. Лёха хорошо помнил свою прошлую беседу и старался не попадаться под его прищур.

На вопрос Алафузова доложить по существу, Лёха изложил события коротко и без украшений, по возможности опуская всё, что могло вызвать ненужные с его точки зрения вопросы – вроде не запланированного визита в Париж, точного маршрута полёта или происхождения неучтённых франков. Особенно живо присутствующие отреагировали на пересказ драки Васюка с испанцем – тот момент, когда противник, так сказать, отправился в самостоятельный свободный полёт без сопровождения.

По требованию замполита Лёхе пришлось несколько раз повторить эпизод, что он и сделал – всё тем же сухим, предельно казённым языком:

– Младший лейтенант Васюк, самоотверженно действуя в условиях непосредственной угрозы жизни экипажу, совершил принудительное удаление противника за борт воздушного судна без применения парашютного снаряжения, – отрапортовал он с совершенно каменным лицом.

Замполит сгубился от смеха, вытирая глаза платком. Особист сдавленно хрипел в кулак. Алафузов сдерживался, но уголки губ едва заметно подрагивали. Белкин, улыбаясь, записывал что-то в блокнот.

– «Принудительное удаление противника за борт», – всхлипывал замполит, – «Хай живе Африка!» Хренов! Настоящий моряк! Да с такими формулировками тебе на юридический Московского университета нужно!

Лёха слегка позволил себе улыбнуться:

– Меня из того университета и выгнали, сказали надо срочно идти в лётчики.

Неожиданно Алафузов поднялся и, приняв серьёзный тон, скомандовал:

– Старший лейтенант Хренов! Смирно! Сдать оружие!

По комнате прокатилась короткая волна напряжения. Лёха, смотрел прямо вперёд и изображая образцово-показательное равнодушие. Он, одними глазами обвел комнату.

Затем не торопясь достал из кобуры свой потёртый «Браунинг», с которым прошел, пролетел всю Испанию, и, повернув его рукояткой вперёд, передал замполиту. Тот взял с лёгкой улыбкой и вышел, ни слова не сказав.

Повисла короткая пауза. Белкин вкрадчиво заметил:

– Смотри-ка, Хренов... А ведь ты теперь, выходит, буржуй. Личным самолётом владеешь...

Фраза прозвучала как шутка, но в ней был такой гниловатый подтекст – и вопрос, и намёк, и тонкая проверка на реакцию.

Лёха, как ни в чём не бывало, ответил без единого сомнения на лице:

– Вот разрешите с вами не согласиться, товарищ Наум Маркович! Указанное личное воздушное судно сразу по прилёту было передано мною в дар морской авиации Черноморского флота Советского Союза. Под расписку заметьте! А уж испанцем она сама потом этот борт загнало!

Начальство снова захохотало. Даже особист крикнул, а Белкин впервые за вечер искренне усмехнулся.

И в этот момент вернулся замполит. В руках у него был Лёхин пистолет. Он подошёл к Алафузову и сдержанно кивнул. Алафузов взял оружие, повернулся к Лёхе и скомандовал:

– Смирно!

Лёха замер, глядя рассеянным взглядом сквозь начальника.

– За проявленный отвагу и храбрость при выполнении заданий партии и правительства, а также за стойкость, инициативу и преданность делу коммунизма – наградить старшего лейтенанта Хренов личным оружием!

Он протянул пистолет, и в голосе его уже не было ни холода, ни строгости. Только уважение и, может быть, даже самая малая доля личной симпатии.

Лёха принял оружие, как полагается – двумя руками. Это был его же «Браунинг», тот самый, с маркировкой «ОКЖ 2710» на левой стороне рамки, чуть позади спусковой скобы, перед щечкой рукоятки, из Отдельного корпуса жандармов ещё императорской России... Но теперь к его деревянной рукоятке была аккуратно приклёпана латунная табличка. Надпись на ней была короткой, но внушительной:

«За отвагу. От НКО СССР. Маршал Ворошилов».

Лёха, впервые за всё время, улыбнулся открыто, широко, по-человечески.

Где-то в глубине сознания, среди звона смеха и торжественности, промелькнул анекдот из будущего, про приватизацию, толи при Горбачёве, толи уже при Ельцине.. Странная, но очень уместная мысль:

– Вот, Шарик, видишь свою будку? – Да... – Вот теперь она твоя.

Сентябрь 1937 года. Кабинет военно-морского советника Алафузова, порт Картахены.

Обычно спокойный, как северный лёд в декабре, а временами и вовсе флегматичный капитан-лейтенант Елисеев, советник командующего флотилией эсминцев республиканского флота, влетел в кабинет к Алафузову с такой скоростью и напором, будто ему подожгли штаны с обеих сторон. В коридоре за его спиной кто-то громко ойкнул, но Иван Дмитриевич уже с ходу захлопнул дверь, хорошенько приложив её об косяк. От чего портрет Карла Маркса в рамке неодобрительно покачал знатной бородой и чуть съехал на бок.

Хозяин кабинета, капитан первого ранга Владимир Антонович Алафузов и по совместительству главный военно-морской советник в Испании – человек, скорее внешне напоминавший старшего библиотекаря или бухгалтера – сидел, уткнувшись в бумаги, и, казалось, не заметил вторжения. Только ручка у него в пальцах замерла.

– Владимир Антонович! Где их только понабрали, этих погонщиков строевых лошадей?!

– В вашем голосе прямо слышится насилие в извращенной форме над полковыми лошадьми, Иван Дмитриевич? – удивленно приподнял бровь Алафузов, откладывая ручку. – Ты, кажется, даже не дожидаясь обеда уже на крик перешёл?

– Да какие обеды, хрен с ними! Гиганты мысли, политуки наши! Точнее наш то из кавалерии, а тут вторая родственная душа прибыла – знаешь же его, авиационный пехотинец, из Лос-Альказареса. Так вот. Сидят прямо на пирсе!

– И БРОСАЮТ КИРПИЧИ В ВОДУ!

– Кирпичи? – удивился Алафузов, слегка оживившись, будто речь пошла о культурном досуге.

– Да, кирпичи, Владимир Антонович! Красные! Пролетарские! И где только такую кучу набрали! Один держит, а второй по часам что-то отсчитывает! И говорит мне: "Вот смотри, Иван – кирпич квадратный, а круги от него по воде – круглые!" И с таким философским видом бросают его в бухту!

Алафузов чуть наклонился вперёд, глядя на Елисеева пристально. Потом, очень спокойно спросил:

– А почему действительно? – произнёс он. – Ведь логически то нестыковка! Форма объекта не совпадает с формой волновой реакции. Хмм...

Капитан-лейтенант буквально поперхнулся воздухом.

– А ты спроси у своего Хренова! Это он надоумил наших мыслителей устроить натурный эксперимент! Испанцы уже кругами ходят вокруг пирса, гадают, что это русские придумали и, главное, зачем! Я, Владимир Антонович, честно скажу – если я этого Хренова ещё раз где-нибудь увижу, я его этим же кирпичом и...

– Прибьёшь? – с надеждой подсказал Алафузов и, не выдержав, захохотал.

Елисеев сначала надулся, как закипевший самовар, но потом не выдержал, фыркнул и улыбаясь, сел на стул и качнулся на нем так, что чуть не грохнулся на пол.

– Круглые... идут... от квадратного кирпича, тьфу на них, прямоугольного, мать его... – пробормотал он, глядя в потолок. – С ума сойти. И откуда Хренов знает про возмущение в точке контакта с поверхностью воды...

– Пошли! – Алафузов радостно улыбаясь вскочил на ноги и уже был около двери. – Я там у склада треугольную, точнее коническую такую черепицу видел! – Тэ Ха Курва! По-испански называется! Чувствую, для чистоты эксперимента нашим политработникам она просто необходима!

И смеясь, оба начальника рванули разнообразить свой день частичкой радости.

Глава 5. Авиация – это про интуицию, брат

Сентябрь 1937 года. Аэродром Лос-Альказарес, пригород Картахены.

Лёха с Николаем Остряковым сидели в курилке, что пряталась в полутёмной нише между техническими складами и столовой. Сентябрьский вечер был тёплым, но с моря тянуло сыростью, и табачный дым, не рассеиваясь, растворялся в воздухе – фанатическими кольцами, линиями и спиралями, периодически обволакивая сидящих, как пелена.

Остряков дымил вонючей испанской самокруткой – терпкой, с запахом скипидара и «выдержанных носков», как выразился Лёха, – свернутой из клочка папиросной бумаги и щедро набитой крепким, душистым табаком. Курить это сооружение можно было только при полном отсутствии обоняния, но Остряков делал это методично, с видимым удовольствием. Привычка – наше всё!

Лёха, напротив, пытался бросить в очередной раз. Третий или четвёртый с начала года. Следуя заветам Марка Твена – «Бросить курить – проще простого. Я сам бросал тысячу раз», – Лёха сидел, сложив руки на груди, втягивая носом тот самый дым, от которого и зарекался. В этот момент он был, как сам шутил, «пассивным курильщиком со стажем».

– Ну чего, сильно тебя натянули на разборе? – спросил он, не глядя, уставившись куда-то в темноту между складами и столовой.

Остряков неопределённо махнул рукой. Жест можно было трактовать как угодно: от «фигня полная» до «сидеть пока не могу». По тому, как он судорожно затянулся и скривился, Лёха предположил, что всё-таки имел место второй вариант. Поимел место... как следует поимел место... сидения... Николая.

– А то ты не знаешь! – выдохнул Николай, выпуская облако дыма через нос. – Как всегда. Начали за здоровье...

Лёха усмехнулся, кивнул, глядя на багровую точку на конце папиросы, и потянулся за своей кружкой с кофе, который уже остыл...

А началась эта история, как это обычно и бывает на флоте и в авиации – а особенно во флотской авиации – с бардака.

Сентябрь 1937 года. Аэродром авиазавода в Аликанте.

Лёха, между прочим, с недавних пор снова был истребителем. Вернулся, как говорил сам, «к истокам». Уже почти неделю назад он вместе с Васюком съездил на раздолбанной аэродромной полуторке на завод в Аликанте.

Там, на заводике, им удалось забрать два новых истребителя И-16 испанской сборки.

В крыльях Лёхиного самолёта красовалась пара массивных пулемётов Гочкис, переделанных под ленточное питание – Лёха сам их и притащил с морского склада в Картахене. Лёха заржал, глядя на торчащие из крыла стволы. Васюк непонимающе уставился на командира.

– «Писька ишака» – так их мой стрелок, Алибабаевич, называл! – утирая слёзы, пояснил Лёха не заставшему туркменского стрелка белорусу.

– Вот смотри, так оно и есть – писька ишака! – он ткнул пальцем в торчащий ствол в перфорированном кожухе.

Васюк тем временем уже нырнул с головой внутрь своего «ишачка» и, казалось, светился от восторга торчащим из кабины задом.

В трудную годину белорусский воин, оказавшись в Испании без командования и на птичьих правах, не растерялся и, как бездомный кот, ловко прибил к морской эскадрилье в Картахене. Командование аэродрома не возражало – напротив, с восторгом поддержало появление нового кадра в рядах добровольцев. Времена были такие – каждый лётный зад был на счету, а тут лишний человек с руками, глазами и опытом – почти подарок.

Васюковский же экземпляр был вооружён аж четырьмя ШКАСами – пара синхронных над мотором и по одному на каждое крыло. Откуда взялись эти дефицитные, как наркомовский паёк, пулемёты и как испанцы сумели поставить синхронизаторы – оставалось тайной, покрытой туманом военной испанской смекалки.

Но больше всего обоих порадовало сердце каждой машины. На обоих стояли двигатели Hispano-Suiza – двоюродные братья советского М-25, с общим предком в лице американского Райт-Циклона.

Пробный вылет состоялся тем же днём.

Ну что сказать... Самолёт произвёл на Лёху сильное и неоднозначное впечатление. Нет, он шикарно летел – спору нет. Бодро тянул вверх, шустро реагируя на ручку и педали, но...

Во-первых – дуло. Не в переносном смысле, а в самом что ни на есть прямом. Даже спрятавшись за передним козырьком, с открытым фонарём – обдувало нашего попаданца по полной. Привыкший к уютной кабине «Энвоя», закрытому «стеклянному аквариуму» «Шторьха» и даже застеклённому носу СБ, Лёха по-настоящему прочувствовал встречный поток воздуха.

– Так и мозгов-то не останется, – процедил он, ловя губами ветер и невольно прищурился даже в лётных очках. – Выдует к чёрту весь стратегический запас...

Во-вторых – летал его самолёт... Да, отклик на ручку мгновенный. Да, крен – без запаздывания. Но всё, что умел Лёха, всё, к чему привык за последние месяцы, – можно было смело откладывать в самый дальний ящик. Самолёт был совсем другим. Он был... живым. Исключительно манёвренным. Неустойчивым, норовистым и требующим постоянного внимания пилота. Это и была цена его манёвренности.

А ещё, привыкая к повадкам зверя и крутя пилотаж, Лёха перетянул на себя ручку и сумел ввалиться в самый что ни есть настоящий штопор. Хорошо, высоты было с избытком, и, благодарно вспомнив полёты на И-5 в Каче, Лёха, потев и молясь, вывел самолёт в горизонтальный полёт.

– Ишак, – отдышавшись, подумал Лёха. – Самый натуральный ишак. Идёт – но только туда, куда сам захочет.

А вот и ещё один сюрприз – выпуск шасси.

Васюк, стесняясь, попросил немного денег. Получив пару купюр, он шустро исчез внутри цехов и вернулся, сияя как начищенный самовар. Он оглянулся по сторонам, достал из-за пояса обычные пассатижи и торжественно вложил их в руку офицевающего командира.

– Во! А то ж сорок чатыры абаротаў! – с гордой улыбкой предупредил он, видя вопрошительный взгляд нашего героя. – Ручкой крутышь же! Як случайна не у той бок крутанеш – тросики закусит и шасси заклинит. А так – перакусиш, шасси сами вываляцца, крутанеш пару бочак управа–улева, покуль на замки не стануть – и садись!

Лёха держал в руках инструмент и не знал – то ли смеяться, то ли плакать. Приходилось свыкаться. Авиационные пассатижи...

Васюк же был абсолютно счастлив. Он, по всей видимости, разговаривал со своим аппаратом, поглаживая обшивку, будто тот был живым.

– Добры самолёт, мощный, – сказал он Лёхе после полёта, когда тот снял шлемофон и вытер лицо от пота.

Лёха усмехнулся и махнул рукой. Пусть Васюк наслаждается. А сам он... он привыкнет. Авиация, она ведь как женщина. Сначала – недоверие. Потом – осторожный интерес. А там, глядишь, и любовь. Или, по крайней мере, уважение.

– Значит так, выдающийся представитель "беларускай нацыянальнасти"! – после этих слов Васюк растянул улыбку от уха до уха, что в сочетании с носом-картошкой и оттопыренными ушами создало непередаваемый колорит вновь провозглашённого гуру от полётов на «ишаке».

– Давай, рассказывай, як ты летаешь на этой цирковой кабыле! – в тон Васюку сказал покоритель ишака.

А дальше в жизни Лёхи случился нормальный флотско-авиационный бардак.

Республиканский флот, вместе с Лёхиным начальством, ушёл встречать транспорты из СССР к побережью Алжира. С морской группой согласовали время и маршруты полётов на прикрытие конвоя и даже первый утренний полет Острякова прошел как по маслу. Он честно слетал до алжирского берега и вдоль него, увидел несколько каботажников, но ... пару республиканских крейсеров – «Либертад» и «Мендес Нуньес» – и дивизион эсминцев в согласованном месте не увидел... А рации пока на самолете не было.

Сентябрь 1937 года. Аэродром Лос-Альказарес, пригород Картахены.

– Авиация – это про интуицию! Без хорошо развитой интуиции в лётном составе делать нечего! – буквально минут пятнадцать назад, с набитым ртом, Лёха просвещал техников, не забывая активно наворачивать ложкой из блюда с паэльей.

Говорят, хороший нос за три дня удар чувствует. Надо честно признать, что нос главного героя вел себя абсолютно спокойно. Зато у Лёхи зачесался тыл, под названием задница, и к удивлению ровно три дня назад!...

И вот сейчас, прекрасно перекусив и находясь в полной гармонии с окружающим миром, наш герой шёл, шлёпая берцами по вытоптанной полосе Картахенского аэродрома. Одетый в заляпанный красной, коричневой и немного зеленой краской старый комбинезон, Лёха легкомысленно помахивал выпрошенным в ТЭЧ ведерком с красной краской...

Впереди, метрах в ста пятидесяти, стоял его «ишак» – чуть поблескивая стёклами кабины на жарком солнце, с заклеенными кусочками перкаля пулемётами в крыле и республиканскими полосами на хвостовом оперении. В голове нашего героя сияли и переливались надписи, одна заманчивее другой, требуя срочно нанести их на новый самолёт.

Он уже стал ему почти родным. «Дрессированный ишак», – как смеялся наш герой.

Несколько дней назад Лёха с грустью сказал "пока" своему личному пассажирскому "Энвою". В результате мутноватой схемы флот передал его испанским лётчикам, которым предстояло перегнать машину в Валенсию.

– Эх, – расстроено тогда думал Лёха, – превратят такой геройский самолёт в очередную «жоповозку».

Он подошёл ближе, обвёл взглядом фюзеляж "ишака", выискивая лучшее место, поставил ведёрко на край крыла, погладил его по обшивке...

И тут над лётным полем раздался:

«ГГAB»!

Громкий, оглушительный «Хрр-ГAB»! Не простой «ГAB», а раскатистый, с подвывом и хрипотцой. Воздух словно содрогнулся от этого лая. Через мгновение последовал скрежет, переходящий в ультразвуковой свист, потом будто кто-то присел на микрофон. Затем присевший явно не сдержал ветры в тыловом отверстии – над полем рванул пер***ящий бас, и только потом в динамике, установленном над крышей командного пункта, послышался искажённый голос дежурного:

– *AténscьЁН! Я... МИСМО! ПИСТА! РРАссПИИИИзззДО! ХАН-ГА-А-А! ПШШШХ! ПЬЕЕЕ-ddd-РАС... ЭнННаЗона!!! авиОООНЭЭС!*

(Автор затрудняется дать точный перевод вылетевшего из динамика, что-то вроде:

– ¡Atención! ¡Ya mismo a pista! Rrrraspado en hangar... ¡Psshhh! ¡Piedras en la zona! ¡Aviones!

– Внимание! Немедленно на взлётку! Содрано ... в ангаре... Пишиш! Камни в зоне! Самолёты!)

– Сука бл***ть! – ответил репродуктору Лёха, чуть не плача, стараясь руками стереть с комбеза красно-кровавые полосы от опрокинувшегося на него ведёрка...

Бросив это безнадёжное дело, Лёха прикрыл глаза от солнца кровавой ладонью, размазывая красную краску и по лбу тоже. Он устался на крышу командного пункта, откуда напала звуковая волна. Там гордо высился новенький, здоровенный раструб громкоговорителя – похожий на старинный граммофон гигантских размеров.

А на самом командном пункте в этот момент во всю кипела жизнь...

В Лос-Альказарес наконец-то приперли и установили здоровенную американскую дуру. Она была куплена ещё до войны для центрального аэродрома в Мадриде, потом её пытались пристроить в правительственную Валенсию, но, как шутили местные остряки, высокое начальство, заслышав свист, хрип и вопли, падало, закрывало голову руками, а иногда и меняло штаны. И вот эту систему громкой связи производства американской компании Magnavox сбаврили в Картахену. И теперь пытались приучить дежурных и, главное, лётный и наземный персонал аэродрома правильно реагировать на это заокеанское чудо.

– Да ни хрена не работает эта чёртова балалайка гринго проклятых! – обиженно возмущался дежурный, молодой интербригадовец из Аргентины, приехавший воевать за республику. – Как я вам дежурный экипаж вызову!

– Ну-ка подвинься, Мануэль, учись, пока батька жив! – вальяжно произнёс прибывший накануне на аэродром Проскуров, оттесняя местного дежурного от здоровенного полированного микрофона, установленного на подставке.

– Николай! Смотри, как надо! Сейчас мы быстро его ... – обратился он к стоящему рядом Острякову. – О! Видишь, Хренов куда-то прётся?

Он встал за микрофон, постучал по нему костяшками пальцев. В ответ из динамика грохнула пулемётная очередь, от которой часть населения аэродрома аж присела, а зенитчики судорожно схватились за каски, в ужасе вертя головами, выискивая противника.

– Эй ты, ХЕР ушастый! – гаркнул Проскуров в микрофон с довольной рожей. А потом, для пушей ясности, потряс всех окружающих своим испанским:

– Э ту, КапХуйо орэХудо!

Над аэродромом зависло напряжённое молчание, казалось, даже двигатели смолкли, поражённые в самое своё механическое сердце этими синхронными колебаниями воздуха. Зато большая часть народа полностью проигнорировала обращение и продолжила невозмутимо идти по своим делам. Несколько человек оглянулись, а трое прекратили поступательное движение, остановились и уставились на командный пункт.

– Ну не вы двое, а вот ТЫ! – прохрипел динамик, надсадно булькая. – Но Отсос дос... ТУ! КапХуйо ОрэХудо!

Ещё двое товарищей развернулись и возобновили прямолинейное движение к своим целям, а Лёха, сплюнув себе под ноги, развернулся и поплёлся в сторону командного пункта, пешком через всё поле.

– ммУУУ ве лас Писсунь Ясс! – Динамик совершил очередное звуковое нападение на аэродром, – Шевели копытами!

– Авиация, – гордо продекларировал Проскуров на командном пункте, – это, брат, про интуицию!

Лёха стремительно сокращал расстояние до командного пункта и нового, пока неизвестного ему приключения.

А на заднем фоне, словно подтверждая эту мысль, система громкой связи производства американской компании Magnavox продолжала булькать, хрипеть и атаковать головы лётчиков акустическими снарядами.

И никто уже не сомневался, что в Картахене она приживётся.

07 сентября 1937 года. Море у юго-востоку от Картахены.

Подвесив под центроплан пару бомб по двести пятьдесят килограмм – ценных, как скакали бы сейчас, дефицитных, которые берегли как золотой запас, – и запихнув в кабины штур-

мана, пилота и стрелка, только что вышедший из планового обслуживания СБ бодро оттолкнулся от земли своими шасси, весело подпрыгнул и, словно забыв про груз в бомболюке, начал бодро, уверенно и даже с каким-то удовольствием набирать высоту.

От аэродрома Лос-Альказарес, что под Картахеной, он уходил на юго-восток, прочерчивая в небе прямую, как линейка, линию. Внутри советского аппарата за штурвалом сидел Лёха – свежесловленный на аэродроме и срочно запихнутый на боевой вылет как был: в старом перепачканном краской комбезе, с обляпанными руками и разукрашенным лицом.

Перед входом на командный пункт Лёха не задумываясь вытер рукой рот в попытке избавиться от привкуса паэли... Лучше пахнуть он не стал, а вот лицо моментально вошло в гармоничную с остальным видом героя.

Когда Проскуров увидел его, он застыл в немом изумлении, потом отмер и с затаённым страхом спросил:

– Хренов! Ты кого-то убил, что ли?

Остряков, знающий блудняки Лёхи не понаслышке, тут же подключился к предстартовому инструктажу:

– Ага! Что-то я давно нашего кавалериста не видел... Точно убил! И съел!!! – Николай сделал зверское выражение лица. – Признавайся, упырь, как ты пьёшь кровь невинных кавалеристов!

И вот теперь Лёха привычно вращал такой знакомый «руль от автобуса» – здоровенный железный штурвал, с немного тяжёлым ходом, требовавший вложения силы всей перемазанной ладони и чуть-чуть души. Моторы гудели на спокойном крейсерском режиме, корпус едва дрожал от напряжения, а вибрация от винтов отзывалась в пояснице и сиделище как лёгкое предупреждение: не расслабляй ягодицы, командир.

Лёха молчал. Впереди простиралось море. Тихое, синее, пока ещё безмятежное. Направляемый уверенной рукой, самолёт шустро летел туда, в квадрат 57-12 по улитке 8, примерно в трёхстах километрах от Картахены, почти у самого алжирского побережья. Туда, откуда пришла короткая, даже скорее истеричная телеграмма с республиканского крейсера «Либертад»:

«Снова атакован крейсером мятежников “Балеарес”. Требуется помощь авиации. Срочно. Буиса. Алафузов.»

Лёха прочитал её дважды. Потом вместе со штурманом посмотрел развернутую тут же карту, ткнул в нужную точку и махнул рукой – поехали.

Один борт и две бомбы – это было всё, что смогла оперативно выставить республика на помощь двум лёгким крейсерам, семерым эсминцам и трём транспортным пароходам в борьбе с одним тяжёлым крейсером националистов.

Плавнo работая штурвалом и прислушиваясь к монотонному пению двигателей, Лёха вспомнил, как в его будущем пятьсот миллионов европейцев просили триста тридцать миллионов американцев защитить их от ста сорока миллионов русских.

Борт поднят, задача поставлена, координаты заданы...

На горизонте уже угадывалась тонкая белая линия – пена над водой. Где-то там, у алжирского берега, сейчас кипела работа тяжёлых орудий, там удирал конвой и грохотала канонада. Там ждали Лёху.

И Лёха, не отвлекаясь от горизонта, лишь крепче сжал штурвал, сжал в узкую полоску губы и, сделав волевое лицо – как на плакате «Родина-мать зовёт», – патетично проговорил вслух:

– Вот зараза, не зря зад чесался три дня назад!

Глава 6. «Май-Гей-эН Фре-рес!»

Сентябрь 1937 года. Ангар технической службы аэродрома Лос-Альказарес.

Огромный ангар технической службы аэродрома Лос-Альказарес, что в пригороде Картахены, был плотно заселён возбуждённым народом, с энтузиазмом участвующим в митинге – или наоборот, не успевшим во время слинять.

Отмытый до скрипа, свежесбрившийся, с бинтом на левой руке и совершенно балдёжным ощущением чистоты во всех частях тела, лётчик Хренов с комфортом развалился на ящике у окна и умиротворённо дремал.

Прошло всего несколько дней с момента возвращения из такой, казалось бы, уже далёкой командировки во Францию, а он уже успел разжиться новеньким истребителем и даже слетать на помощь флоту аж к побережью Алжира и, главное, тут Лёха самодовольно улыбнулся, сумеет вернуться. Вот только нормально выспаться ему давно не удавалось.

Но уже через полчаса это умиротворение пошло крупными трещинами – как раз в тот момент, когда за кафедрой из сбитых досок замполит Кишиненко начал патетично зачитывать перед толпой местных бойцов агитационную речь о советских воинах, *отправляющих* интернациональный долг.

(Да, да, Лёха был абсолютно уверен, что именно так и расслышал – отправляющих – сквозь охватывающую его дрему после сытного ужина, справленного тайным, но щедрым глоточком вина.)

И, как назло, во всей этой речи с намёками, патетикой и натужными метафорами многое как-то очень уж подозрительно указывало на Лёху.

Одно дело – думать такие штуки про себя, сидя в туалете, или обсуждать их за дружеским возлиянием, а совсем другое – слушать, как их вещает с трибуны человек в кожанке и с горящими глазами.

Наш герой же счастливо кемарил у окна ангара, в новом оливковом комбинезоне, только что с большим трудом выменянном у интендантов на... ну, по большому счёту неважно, чего стоило Лёхе раздобыть новый комбез. Погонов, кубарей, галунов или каких-то иных знаков отличия не предполагалось – по соображениям секретности и солидарности с испанскими товарищами. В качестве талисмана Лёха прикрутил на грудь сохранившийся у него ещё с Качи небольшой знак морской авиации СССР.

Он изо всех сил старался не захрапеть, чтобы не вызвать у замполита приступ сердечной агонии. Усилием воли Лёха в очередной раз вынырнул из обволакивающей его дремоты, старательно тараща свои голубые, честные, но стремительно закрывающиеся глаза и вернул внимание к замполиту, который продолжал греметь с кафедры:

– ...Товарищи! И чем дольше длится эта война, тем яснее становится её смысл...

Было видно, как политическому лидеру не терпится пройтись взад-вперёд по сцене, махнуть рукой в пламенном призыве, но самодельная кафедра совсем не оставляла места работнику разговорного жанра. Он периодически забывался и делал шаг в сторону, оступался, терял равновесие, судорожно хватался за кафедру и с трудом возвращал своё тело в вертикальное положение.

В такие моменты Лёха несколько оживал и с интересом ждал, не порадует ли партиец собравшихся акробатическим кульбитом.

В какой-то момент замполит застопорился. На лице его появилось выражение человека, у которого в голове сразу несколько мыслей подрались за доступ к речевому аппарату. Он застыл, вперившись глазами в воздух, и Лёха понял – Кишиненко забыл, что хотел сказать.

Пока преподобный товарищ Кишиненко собирался с мыслями и переходил от патриотизма к долгу, Лёхин взгляд скользнул с его защитных галифе...

...на выющиеся тёмные волосы, которые качнулись в воздухе перед ним. Молодая испанка – тряхнув головой, точно сбрасывая с плеч жаркий воздух вокруг, – взглянула на Лёху и коротко кивнула на ящик рядом. Мол – можно?

Лёха судорожно дёрнулся, подвинулся на деревянной таре. Зашипел, когда толстая заноза въехала ему точно в поджарый зад.

– Твою ж... – сдавленно прошипел он. – Прошу сеньорита! – Сквозь слёзы выдал самую обворожительную улыбку из возможных синеглазый ловелас.

Испанка улыбнулась, и симпатичная женская попка, аккуратно очерченная лёгким летним платьем, с ловкостью опытного штурмана зашла на посадку. Лёха только успел подложить свою куртку, стараясь уберечь округлую прелесть от знакомства с шершавой древесиной.

Его дрема рассыпалась в пыль в тот же самый миг.

А сам он, пользуясь паузой, медленно повернулся. Справа от него сидела испанка – молодая, загорелая, с серьёзным лицом и красивой линией шеи. Обнажённое плечо её почти касалось Лёхиного комбинезона, а высокая грудь чуть покачивалась в такт дыханию. Тонкая кожа, веснушки, родинка у ключицы... Лёха сглотнул.

Наденька исчезла из объятий нашего героя со всеми своими выдающимися прелестями уже достаточно давно, и молодой мужской организм сам, без участия мозга, совершил логичный выбор между грубым волосатым мужиком на трибуне и манящим девичьим телом рядом.

Пока Кишиненко увлёкся перечислением глобальных врагов трудового народа, Лёха чуть повернулся и едва заметно опустил глаза вправо. Её бедро рядом, плотно обтянутое тонкой тканью, сверкающие из-под обреза платья симпатичные коленки – неимоверно притягивали горящий взгляд изрядно застрявшего в воздержании молодого лётчика.

Обладательница обнажённого, загорелого, с аккуратной родинкой ниже ключицы плеча, внимательно слушала перевод речи, слегка наклонившись вперёд, приоткрыв губы, вызывая у Лёхи ассоциации далеко не политического свойства. Глаза же её оставались серьёзными.

Лёха чуть подвинулся, сделал вид, что ему неудобно сидеть, поёрзал, поправил воротник и медленно, будто просто опираясь, он положил ладонь на её бедро – осторожно, почти неведомо. Испанка не шелохнулась, только её губы затрепетали, будто что-то прошептали без звука. Потом она двинула рукой, будто хотела поправить оборки на платье, но как-то не рассчитала – и промахнулась... мимо своего бедра, мимо Лёхиной руки, её ладонь на миг опустилась ниже. Гораздо ниже.

Лёха застыл от неожиданности. Вся сонливость слетела в один момент. Глаза у него расширились и встретились с её глазами – тёплыми, тёмными, томными и задорно поблёскивающими. Уголки её губ дрогнули в неуловимой улыбке.

Она ловко вернула руку и, не отводя взгляда, аккуратно сжала его ладонь на своём бедре...

И тут как назло загремело:

– Ура, товарищи! – возглас замполита обрушился как ушат ледяной воды на Лёхину голову.

В этот момент из-за сцены вынесли аккордеон, и замполит вдохновенно пропел:

– Попросим на сцену лётчика Алексея Хренова! Мы знаем – он расстался со своей гармошкой, чтобы спасти наших товарищей, и партия решила подарить ему вот, новую! Гармошка от французских коммунистов! Maugein Frères!

– Май-Гей-эН Фре-рес! – по слогам прочитал название замполит, вызывая у Лёхи судорожный тик в левом веке.

Толпа среагировала бурно, кто-то вскочил, захлопали. Испанка шустро убрала руку, зацепив по пути колено молодого человека... Лёха с сожалением поднялся.

Интереснейший сюжет рухнул под натиском партийного энтузиазма.

На мгновение он посмотрел на аккордеон – красивый, лакированный, с металлическим блеском застёжек и кожаными мехами. Потом – на испанку, всё ещё улыбающуюся ему уголками губ. Её глаз вдруг хитро, еле уловимо подмигнул и её красиво очерченные губы сложились на миг в неуловимый «чмок».

"Эх! Похоже, спать мне и сегодня ночью не доведётся..." – шарахнулась в мозгу интереснейшая мысль, пока Лёха пробирался на трибуну.

А буквально неделей ранее...

07 сентября 1937 года. Тридцать миль севернее мыса Шершель, побережье французского Алжира.

Альферес де навио Мигель Пардо де Донлебун – для русского читателя понятнее будет звучать – младший лейтенант Мигель по фамилии Пардо, из деревни, хорошо – из благородного рода, владеющего замком Донлебун в Астурии. Хотя замком их небогатое деревенское поместье назвать было можно с очень и очень большой натяжкой.

Он стоял у своих 120-миллиметровых орудий и прижав к глазам бинокль, так что вокруг глаз отпечатались круги, как у лемура, с хмурой ненавистью вглядывался в пару лёгких крейсеров, что упорно держались параллельным курсом вдалеке. И достаточно регулярно стреляющих.

Будучи рождён в аристократической семье, Мигель не мыслил своей жизни без морской службы. Он закончил морской колледж с отличием, служил с фанатичным усердием, стараясь быть по мальчишески строгим, вызывая улыбки и некоторое уважение среди командования.

Но 1931 год стал годом личной трагедии. Когда король отрёкся от престола, а на кораблях власть захватили матросы, Мигель, тогда ещё кадет, рыдал. Грубая матросня устроила настоящий балаган – его тут же переименовали в «Пардон! Дон Ле Бум». Что в дословном переводе на русский звучало бы как «Привет! «Господин Задница». Жуткая насмешка, да ещё и с намёком на взрыв – для артиллериста оскорбление вдвойне.

Мигель ни секунды не сомневался, на чью сторону встать, когда в Ферроле вспыхнул мятеж. Он поддержал Франко с твердостью дворянского достоинства и ненавистью, которую питал ко всем, кто позволил оплевать флот короля. И сейчас, спустя шесть лет, среди матросов он считался жёстким, даже злобным командиром – но хорошо знающим своё дело.

Было раннее утро. Солнце вставало из-за алжирского берега, воздух ещё не нагрелся, но напряжение уже густо висело в воздухе.

Его 120-миллиметровые орудия ждали приказа, а он, стоя у оптического дальномера, не сводил глаз с целей. Крейсера противника шли по касательной, огибая арьергард республиканского конвоя.

– Не спать, вы, ленивые задницы! – рявкнул он. – Почему первые выстрелы сложены черти как? Какой идиот притащил сюда осветительные снаряды?! Мы что, салют этим ублюдкам устраивать собираемся?!

– Так положено... – неуверенно пробормотал подносчик, испуганно мигая. – Нам их теперь обратно в трюм тащить?

– Оставьте! Сложите там, на переборке! – махнул рукой Мигель, не желая отвлекать расчёт в напряженной обстановке.

Он даже не представлял, чего будет стоить его решение.

Ночью они шли вдоль побережья, отрезая путь республиканским торговцам. Их «Баларес» – красавец-крейсер, только что спущенный на воду, сверкающий грозными восьмидюймовыми орудиями, должен был стать гордостью флота и кошмаром для любого кто встанет на его пути.

И вот на рассвете он столкнулся с республиканским конвоем, крадущимся вдоль алжирского побережья...

По отдельности весь этот конвой был ему на один зуб – один снаряд, один взрыв. Но их было слишком много. Торговые суда рванули наутёк, за ними развернулся эскорт из семи эсминцев, и весь этот рой бежал обратно, на юг, к французскому берегу Алжира. «Балеарес» лёг на курс к северо-востоку, заходя в хвост конвоя, готовясь начать методичную резню.

Казалось, пара лёгких крейсеров, сопровождавших торговцев, тоже бросилась наутёк. Но, преодолев начальный бардак и организовавшись, более мелкий пристроился в кильватер с своему более крупному собрату. Они парой зашли на его «Балеарес» с кормы и начали медленно и упорно отжимать его от конвоя. Их орудия уже начинали работать – периодически в небо взлетали дымные шапки от залпов и на пока приличном расстоянии от их крейсера начали вставать пенные столбы воды.

Пока для его 120 мм пушек было еще далеко...

Но это «пока» скоро закончится. Дон Ле-Бум сжал зубы, и, не отрываясь от бинокля, злобно прошептал:

– Don Le-Bum, говорите... Сейчас мы посмотрим, какой бум я устрою в ваших подлых задницах!

07 сентября 1937 года. Море у алжирского побережья, к северу от мыса Шершель.

Лёха, сощурившись сквозь лётные очки, внимательно вглядывался в линию горизонта. Сначала ничего особенного не было видно – только полоска побережья Алжира вдали и ровный, ленивый блеск прибоя. Но вскоре темные пятна внизу стали оживать и постепенно превращаться из клякс на горизонте в участников драматического действия. Один за другим проявились три чёрных, изрядно дымящих, силуэта – пароходы. Короткие, пузатые, медленные, они разбегаюсь в стороны, общим курсом на юг, к берегу. За ними рассыпались узкие, стремительные тени, готовые рвануть на перехват. Семёрка эсминцев, как овчарки, пасущие стадо, была вынуждены сопровождать медлительные транспорты, растянувших гигантским неправильным серпом, охватывая пароходы.

Со стороны моря, метров на триста ниже Лёхи, на эту орду заходил красивый клин трёхмоторных, серо-чёрных, пятнистых самолетов, собираясь атаковать транспорты и эсминцы сопровождения.

«С нашими то бомбами только на этих Пипистроне и охотиться!!» – раздраженно подумал Лёха.

В мозгу всплыло воспоминание, как им подвешивали эти две дефицитные, в трудом выщарапанные морской группой со склада бомбы. Оказалось замполит не восприимчив к акустическому воздействию матюгальника и появился у самолёта ровно в миг, когда перемазанный в краске Лёха гнал предполётный контроль.

– Партия вам предоставила самые дорогие Бомбы! Их у нас мало. Товарищи лётчики, вы должны взять обязательство топить одного врага одной бомбой! Как снайперы. Один выстрел – один труп.

Пехотный замполит на аэродроме, это, конечно, эпическая сила.

– Обязательно! Товарищ комиссар! Мы же их запускаем как камешки по воде, бомба прыгает и топит фашистские корабли один за другим! – сделав серьёзное лицо пообещал замполиту кровавый маньяк, пихаясь в кабину.

Лёха потянулся вперёд, положил самолёт в пологий вираж на одно крыло, потом на другое, пытаясь разглядеть сквозь стекло кабины обстановку в море. Прямо по курсу, чуть дальше от берега, в направлении на северо-восток полным ходом, оставляя за собой широкий пенный шлейф, двигался крупный корабль – по два крупных орудия в двух башнях на носу и корме, и, судя по форме труб, объединенным в единую наشلёпку – "Канарис" или "Балеарис", переделал их в более произносимый вариант Лёха – уходящий с чуть заметным следом дыма. Его отжимала от конвоя пара более мелких крейсеров идущих в кильватерной колонне.

С высоты казалось, будто кто-то устроил фейерверк: у переднего из преследующих кораблей вспыхнули сразу три огненных шапки дыма – выстрелы. Потом ещё раз. Через несколько секунд около преследуемого корабля встали столбы воды.

Удирающий крейсер выстрелил в ответ двумя задними башнями и уже гораздо более крупные столбы воды встали на пути кильватерной колонны преследователей, правда значительно дальше от цели.

Лёха пригнул голову вниз и глянул в малюсенькое окно в переборке, отделяющие его от кабины штурмана в носу самолета. Он посмотрел на штурмана, сидящего к нему спиной, и трижды щелкнул тумблером лампочек сигнализации на приборной панели.

«Готовься!». Потом накренил машину влево, уводя её вираж, чтобы выйти на боевой курс.

«Заходить будем со стороны пары крейсеров, глядишь и отвлекутся зенитчики..» – да и солнце в глаза им будет слепить, решил наш герой.

У них было две бомбы и только один шанс. Ещё на земле, перед вылетом, они со штурманом, лейтенантом Александром Александровым обсудили возможные варианты атаки. Либо заходить вдоль оси корабля и бомбить с высоты, пытаясь попасть в идущий на полном ходу крейсер с минимальными шансами на успех. Либо – топ-мачтовый сброс: низко, очень низко, поперёк курса цели, сбросив бомбы почти у самой глади воды, чтобы те отскочив от поверхности воды, поскакали, как плоские камешки.

– Я бы попробовал по-мачтовому... – сказал тогда Саша, нервно потирая ладони, – но я... я ни разу этого не делал.

– Как говорила одна моя знакомая, всё когда-то бывает в первый раз! – произнес тогда Лёха, умолчав про совершенно интереснейшую позицию его знакомой, в которой это было произнесено. – Ну значит, сегодня будет в первый.

И вот теперь, сделав вираж и развернув самолёт, он начинал заход точно поперёк курса франкистского крейсера.

Если бы кто-нибудь в этот момент смог заглянуть в кабину этого бомбардировщика хотя бы краем глаза – его бы точно хватил удар. Инсульт, инфаркт и диарея одновременно или последовательно, сразили бы любого впечатлительного наблюдателя.

В кокпите, держа обеими руками здоровенную, обляпанную алой краской, баранку управления – словно рулевое колесо от советского автобуса, – сидел молодой парень, весь в кровавых разводах, брызгах и пятнах, будто его выдернули с бойни и посадили сушиться прямо за штурвал.

Улыбка – широкая, хищная, перекошенная от адреналина – не сходила с его лица. Прищуренные голубые глаза светились. Он слегка наклонился вперёд, будто желая заглянуть в лицо врагу через ветровое стекло, и тихо, почти ласково, выдохнул:

– Ну теперь держитесь, суки!...

Глава 7. «Пардон! Дон Ле-Бум!»

07 сентября 1937 года. Море у алжирского побережья, к северу от мыса Шершель.

Младший лейтенант Мигель Пардо де Донлебун снова прижал к глазам бинокль так, что лемурии круги отпечатались в очередной раз. Где-то на высоте в пару километров, почти слившись с утренней дымкой, серебристой стрекозой скользил самолёт. Одиноким двухмоторный бомбардировщик, осторожный и хитрый – он шёл дугой, обходя с тыла республиканские крейсера. Мигель прищурился. Вроде бы у франко таких не было. Или это итальяшки... Хотя он видел, как прошли строем трехмоторные пёстрые самолеты. Какого чёрта он там делает?

В принципе, его 120-миллиметровки могли достать до такой высоты. Теоретически. Он об этом читал. Но с этими болванами из Ферроля, набранными в расчёты по принципу «у кого руки не растут из задницы», мечтать о прицельной стрельбе по воздушным целям было даже не фантастикой. Это было бы богохульство. Самолёт чуть снизился, потом, как бы лениво, скользнул на крыло, исчезая за крейсерами. Мигель снова сосредоточился на главной цели – тем более что обстрел со стороны крейсеров стал явно точнее: пару раз столбы воды встали рядом с «Балеарес», и осколки гулко простучали где-то по носу корабля.

Мигель отвёл взгляд от преследователей и снова заметил бомбардировщик. Тот же серебристый силуэт, только теперь он не сверкал высоко в небе, а стелился над самой водой. Он шёл низко, не выше двадцати метров, и курсом прямо на «Балеарес».

– К бою! – рявкнул Донлебун, так что один из подносчиков выронил снаряд... и с трудом подхватил его над самой палубой.

– Тупые скотоложцы! Руки повывёртываю! – Мигель перестал себя сдерживать в формулировках.

Дальномерщики, запинаясь, выдали первые установки. Ветер разносил их голоса по палубе, барабана в уши, как набат. Самолёт уже был не дальше километра.

«Очень близко», – мелькнула мысль в мозгу младшего лейтенанта.

– Огонь! – заорал Мигель, отбрасывая бинокль.

Грохот выстрела первого орудия выдал огненную вспышку и шарахнувшую по ушам ударную волну. Второе его орудие запоздало на долю секунды, но тоже взревело, изрыгнув снаряд. И вдруг – по курсу самолёта вспыхнул яркий шар. Белый, слепящий, как при взрыве гранаты. Через мгновение он с шипением исчез в море, оставляя за собой дымный след.

– Какой идиот зарядил осветительную гранату?! – сорвался на визг Донлебун, и в этот момент в уши врезалась истеричная очередь зенитного автомата. Металлический визг, трассеры, рвущие воздух – сначала чуть выше самолёта, потом трассер резко прыгнул вниз, и очередь пересекла его курс. Самолёт дёрнулся вверх, как рыба, пойманная за жабры. Зенитка вдруг чихнула, захлёбнулась, и огненный след трассера оборвался.

И тут от несущегося навстречу самолёта отделились два крошечных предмета.

– *Madre de Dios...* – прошептал Мигель, сжав кулаки на борту дальномера.

Они падали – нет, не просто падали, а скакали по волнам, как плоские камешки, пущенные сильной рукой. Быстро. Стремительно. И неслись они прямо к его кораблю.

Середина сентября 1937 года. Военно-морской госпиталь Картахены.

У неё получилось.

Любочка стояла в коридоре военно-морского госпиталя Картахены, только что выйдя из операционной, где ассистировала хирургу – очень симпатичный испанец, – мимоходом отметила она и стёрла пот со лба марлевым тампоном. Сквозь гул голосов и грохот носилок в приёмной, сквозь напряжённый, но привычный шум госпиталя она вдруг поймала это простое, чёткое ощущение – у неё получилось.

Получилось выбраться. Получилось перевестись. Получилось уехать "добровольцем".

Особист тогда пыхтел, сопел, бурчал что-то под нос – про дисциплину, про неподконтрольные перемещения, про якобы «связи с международными элементами», но в итоге вредить не стал. Командование, на удивление, молниеносно подписало документы и всячески способствовало. Возможно, сработала рекомендация замначмеда флота – Валерия Афанасьевича, которому она, конечно, понравилась.

Тут Любочка загадочно улыбнулась, лукаво стрельнув вокруг глазками. А может быть, просто совпало, и кто-то наверху решил отправить медика в Испанию – и почему бы и не её?

Как бы там ни было, спустя два месяца после той злополучной фразы она стояла вот здесь – в Картахене, в белом халате, со слегка трясущимися руками, но совершенно счастливая. И с чувством, которого ей давно не хватало: чувством, что она управляет своей жизнью.

Испания... Она и не представляла, насколько она другая. Неведомая, обжигающе яркая, почти сказочная. Не как на плакатах – а настоящая. Пыльная, шумная, жгучая, пёстрая. Когда они только высадились в порту, она, несмотря на усталость, шла с фанерным чемоданом, не отводя глаз – всё было чужим и прекрасным. Рыбаки на берегу, гудки катеров, виноград на жарком базаре, и лица – такие непохожие, и всё же... такие тёплые.

Её направили в морской госпиталь Картахены – и она сразу почувствовала, что церемониться тут с ней никто не будет. Ассистировать в операционной – пожалуйста. Шить раны, промывать ожоги, вытаскивать осколки – с первого дня. Опыта у неё, конечно, было... кот наплакал. Но хотя губы у неё иногда и тряслись, руки не дрожали. А уж когда в первый же день испанский доктор с усами буркнул ей *«¡Rápido, doctora!»* – и она поняла, о чём он. – *«Быстро, врачиха!»* – Люба ощутила себя на месте.

Язык? Она и сама не поняла, как стала его впитывать. Всё шло через уши, через пальцы, через глаза. Какой-то внутренний переводчик включился, может, от переутомления, может, от злости. А может, от радости. Всё было другим. Даже кухня. Да, с продуктами было напряжённо – война. Но виноград был сладкий, хлеб – с хрустящей коркой, а кофе... кофе был чёрный, как *«ж**ппе-у-нехра»* – Люба применила какой-то сложный медицинский термин, и бодрил лучше морфия.

И, конечно, мужчины...

Тут она чуть улыбнулась. Нет, ничего такого. Дальше взглядов и пары слишком уж долгих рукопожатий дело пока не заходило. Но... было приятно. Это простое, доброжелательное внимание здесь казалось почти лаской. Смотрели, иногда говорили что-то мягко, с этим их обволакивающим испанским *r*. Даже свои, советские военно-морские товарищи радовали борьбой за её внимание. И ей это нравилось.

«Кто знает...» – с медицинской циничностью подумала Любочка. – *«Вон сколько девочек нашли тут себе мужиков. А чем я хуже?»*

Любочка выдохнула, сбросив с плеч напряжение прошедшей операции, и, разминая затёкшие пальцы, оглянулась по сторонам. Коридор был пуст – за окнами уже темнело, дежурная смена только собиралась заступать, и в госпитале стояла редкая тишина. Она уверенно шагнула в сторону санитарного блока, по-нашему – просто в сор...

Военврач третьего ранга Любовь Аркадьевна ловко подтянула хлопчатобумажные штанишки на завязочках – форма у них тут была своя, смесь удобства с медицинской самостоятельностью. Затем аккуратно поправила выбившуюся прядь, мельком глянув в зеркало над раковиной, и хмыкнула – усталая, но красивая.

«Скоро заступать. Надо бы подготовиться. А то раз и снова в бой, так и не успеть можно... построить коммунизм!» – советский доктор уверенно толкнула дверь, за которой блестело эмалированное изделие классической английской формы с высоким бачком под потолком и блестящей цепочкой... И даже запах был... ну, терпимый.

07 сентября 1937 года. Море у алжирского побережья, к северу от мыса Шершель.

Лёха дважды шёлкнул тумблером на панели приборов, мигнув лампочкой – коротко, почти весело, как если бы это был звонок в парадной, а не сигнал к боевому заходу. Затем, наклонившись вперёд и почти согнувшись, заглянул в крошечное окошко к штурману в разделяющей их переборке. Он скорчил рожу, замахал рукой и, выпучив глаза, показал кулак, а затем резко растопырил пальцы – мол, пошли крошить фашистов.

Если бы кто-нибудь вменяемый, знакомый с языком глухонемых, увидел эту немую пантомиму – его бы точно хватил кондратий. Но лейтенант Саша, просидевший скрючившись в своей конуре весь полёт, только заулыбался в ответ – радостно, пусть и с оттенком нервности. И, не поднимаясь, показал вверх большой палец.

«Хммм», – подумал Лёха. «Ничего более осмысленного в голову не пришло.»

Снова прикинув маршрут захода на крейсер, Лёха скривился так, что у него на лбу обозначились две яростные складки. Краем глаза он заметил справа вдали движение – над морем, на небольшой высоте, тройка светло-серых трёхмоторных бомбардировщиков нагло и беззастенчиво пёрла в атаку.

– Сука... – выдохнул он сквозь зубы. – Я тут с бомбами тащусь, как ишак беременный, пукнуть лишний раз боюсь, а эти сраные пипистроне парадным строем на наши транспорты маршируют.

Вдалеке вспухали грязно-серые клубы от разрывов, эсминцы включились в концерт, в попытке защитить транспорты.

– Итальяшки... вам же сюда тоже километров двести пятьдесят от Майорки лететь, – процедил Лёха. – Ну подождите. Я сейчас свой груз скину и вернусь, поучаствовать в вашем празднике жизни!

Он чуть подтянул штурвал, выравнивая машину перед сбросом. В животе зашевелилась холодная злость.

Он аккуратно положил самолёт на левое крыло. Фюзеляж завибрировал, перемазанный штурвал в руках налился тяжестью, словно сам чувствовал, как впереди сгущается светлое будущее.

Машина ровно пошла в снижение, скользя с рёвом, вжимаясь в воздух. Через пару минут Лёха выровнял её на высоте примерно сто пятьдесят метров. Справа, в двух километрах, рассекая волны и оставляя за собой красивую пену, спешили два республиканских крейсера. Самолёт стремительно проходил у них по носу.

Серый корпус мятежного крейсера становился всё больше и отчётливее. До него оставалось ещё две минуты полёта.

С глухим стуком распахнулись створки бомболюка, и тут левая красная лампочка бибикнула дважды. Лёха дал немного левую педаль, выжал и снова выровнял самолёт.

Все лампочки коротко пискнули. Идём ровно.

Он сбросил высоту до тридцати метров. Море несло под ним чёрно-серым полотном, где с трудом различались гребни волн. А впереди уже виднелась широкая туша крейсера – стальная, с четырьмя огромными башнями, развернутыми в сторону преследователей, с тонкими стволами зениток, нащупывающих свою жертву. Угрюмая и холодная.

Ещё минута. Самолёт нёсся низко над водой на боевом курсе. Ещё минуту – и сброс.

И тут в небе, прямо перед ними, вспыхнула яркая Хиросима.

Это была не «вспышка». Это было ОНО. Ярость солнца, растёкшаяся по воздуху, слепя всё вокруг. Инстинкты сделали всё за него: глаза зажмурились, руки сами собой чуть потянули штурвал на себя – лишь бы не впилиться в воду вслепую.

Самолёт вдруг словно вспух, его трянуло, повело, как будто он наскочил на лежащего полицейского в своём стремительном полёте.

Бомбы ушли в свой последний полёт.

Перед глазами Лёхи всё ещё плавали радужные круги – как от сварки, от внезапно включённой дуги прямо в лицо. Сквозь боль и слёзы он потянул штурвал на себя, стараясь перепрыгнуть надвигающуюся тушу крейсера. Он почти не видел, скорее чувствовал, как реагирует самолёт.

Серый корпус крейсера возник прямо перед ними – огромный, страшный, летящий навстречу. Мгновение – и под брюхом самолёта промелькнули башни. Тёмные пятна, грозные, с зияющими жерлами.

И тут что-то стукнуло их в крыло. Глухой удар, будто кто-то снаружи саданул по правому крылу кувалдой. Самолёт дёрнуло, потащило вбок, словно в воздухе кто-то схватил его и потянул. Лёха инстинктивно отработал нарастающий крен.

Сзади, в глубине ревущего неба, что-то резко и яростно хлопнуло – короткий, смачный взрыв, будто кто-то с силой швырнул раскалённую плиту в воду. Самолёт чуть дрогнул от отражённой волны, металлический корпус прозвенел натянуто, как струна.

Лёха не успел даже вздрогнуть, как пришло продолжение. Второй взрыв разорвал тишину мгновением позже – громче, злее. Казалось, удар прошёл прямо сквозь воздух, точно хлыст, с хриплым звоном и сухим гулом. Самолёт повело, затрясло, будто его окатили мощным шквалом сзади.

«Это мы знатно куда-то попали», – только и успел подумать наш герой.

07 сентября 1937 года. Море у алжирского побережья, к северу от мыса Шершель.

Справа, ближе к корме, там, где под палубой стояли строенные торпедные аппараты, внезапно грохнуло так, будто сам бог войны рассерженно хлопнул дверью. Следом – без паузы – второй удар врезался по ушам. Ничуть не слабее первого. Оглушительный, жуткий, с металлическим визгом и утробным рёвом, в борту корабля расцвёл огненный цветок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.